

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ ЗА 2005/2006 УЧЕБНЫЙ ГОД

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ
СОВЕТА МДАИС ОТ 6 ИЮНЯ 2006 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Совета иерея Павла Великанова о состоявшихся защитах кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Семинарии и Академии.

4 мая 2006 г. состоялось заседание комиссии по защите дипломных работ выпускниками Московской духовной семинарии.

11 мая на заседаниях Богословской и Церковно-исторических кафедр состоялись предзащиты выпускников МДА. Из 11-ти представленных работ к защите 2 июня были рекомендованы 5; остальные работы были признаны нуждающимися в доработке.

30 мая и 2 июня с. г. в Московской духовной академии состоялись защиты кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Академии по программам трехлетнего и четырехлетнего обучения.

Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник заочного отделения 2001/2002 уч. г.:

Куксов Сергей, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Труды протопресвитера Николая Афанасьева в области церковного права»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники экстерната 2004/2005 уч. г.:

1. Зиновий (Корзинкин), архимандрит (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Система православного воспитания в современной общеобразовательной школе (на материале Курской области)»);

2. Дорофей (Урусов), иеромонах (по кафедре Филологии на тему: «Лирика молитв в литературе XIX века»);

3. Сторчев Сергей, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Отношения Русской Православной Церкви с униатами Галиции в период с 1945 по 2000 г.»).

Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник очного отделения 2005/2006 уч. г. по трехгодичной программе (реформированная Академия):

Петровский Вадим, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Источниковедческий обзор фондов Московской духовной академии»).

Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия профессорский стипендиат Болгарской Православной Церкви, выпускник Академии 2002/2003 уч. г.:

Стоименов Николай (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Древний болгарский перевод Иерусалимского устава (XIV века)»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники очного отделения 2005/2006 уч. г. по четырехгодичной программе :

1. Костишак Олег, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Анализ религиозно-философских статей журнала “Странник”»);

2. Нестеренко Вячеслав, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Богослужение современного чинопоследования Великого Четверга (филологический анализ греческого текста и богословский комментарий)»);

3. Орлов Александр, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Соотношение веры и знания в религиозно-философских воззрениях В. И. Несмелова»);

4. Фотий (Белобородов), иеродиакон (по кафедре Библистики на тему: «Сравнительный анализ экзегетики псалмов в творениях святителя Афанасия Великого и святителя Иоанна Златоуста»);

5. Губка Петр, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История Волынской духовной семинарии»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия стипендиаты Сербской Православной Церкви, выпускники Академии:

1. Стефан (Шарич), иеродиакон (по кафедре Богословия на тему: «Опыт систематизации богословского наследия преподобного Иустина (Поповича)»);

2. Ковачевич Младен (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Монастыри Боки Которской»);

3. Ковач Николай (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История и архитектура сербских православных церквей и монастырей в Боснии и Герцеговине с XIII по XVIII в.»).

Защитил кандидатскую диссертацию стипендиат Польской Православной Церкви Дмитрук Михаил (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пастырская деятельность православного духовенства в польской армии в XX и нач. XXI в.»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники 2005/2006 уч. г. и выпускники прошлых лет Сектора заочного обучения:

1. Венедикт (Бабенко), иеромонах (по кафедре Богословия на тему: «Учение блаженного Августина Иппонского о нравственности»);

2. Безручко Андрей, иерей (по кафедре филологии на тему: «Христологические заблуждения Л. Н. Толстого в сопоставлении с взглядами святых отцов Церкви»);

3. Кобец Олег, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История Белгородской епархии»);

4. Мухин Владимир, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История закрытия храмов г. Казани в период с 1918 по 1940 г.»);

5. Осипенко Игорь, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История московского храма Рождества Иоанна Предтечи у Варварских ворот»);

6. Чураков Иоанн, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Троице-Сергиевский храм в Конькове. История, архитектура, святыни»).

Удостоены степени кандидата богословия выпускники экстерната Академии 2005/2006 уч. г.:

1. Амельченков Владимир, чтец (защитил кандидатскую диссертацию по кафедре Церковной истории на тему: «Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны»);

2. Кузнецов Валерий, иерей (защитил кандидатскую диссертацию по кафедре Церковной истории на тему: «Анализ архивных источников о миссионерской деятельности святителя Николая Японского»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники Академии прошлых лет по очному отделению:

1. Иосиф (Македонов), епископ, выпускник экстерната Академии 2003 г. (по кафедре Церковной истории на тему: «История Рязанской духовной семинарии (1814—1918)»);

2. Никон (Котов), иеродиакон, выпускник Академии 2003 г. (по кафедре Богословия на тему: «Духовно-нравственное учение преподобного Петра Дамаскина»);

3. Каменный Игорь, выпускник Академии 2004 г. (по кафедре Библистики на тему: «Учение святого апостола Павла о богопознании в русской библистике»);

4. Ишков Сергей, иерей, выпускник Академии 2005 г. (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Социальное служение Русской Православной Церкви как направление миссионерской деятельности»);

5. Моисеев Алексей, иерей, выпускник Академии 2005 г. (по кафедре Филологии на тему: «Агиография великомученика Георгия. Канонические и апокрифические источники»).

Защитил дипломную работу выпускник экстерната Академии 2003/2004 уч. г.:

Мищенко Аполлон (по кафедре Церковной истории на тему: «Черногорская митрополия в период с 1851 по 1945 г.»).

Защитили дипломные работы выпускники Академии 2005/2006 уч. г., клирики Сербской Православной Церкви:

1. Иустин (Еремич), иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «Исихазм в сербском монашестве XIV—XV вв.»);

2. Василевич Неделько (по кафедре Церковной истории на тему: «Положение Сербской Православной Церкви в независимом государстве Хорватия в 1941—1945 гг.»).

Защитили дипломные работы выпускники очного отделения Семинарии:

1. Антонов Валерий, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Книга Притчей Соломона в русской библистике»);

2. Артамонов Алексей, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История московского храма вмц. Екатерины на Всполье»);

3. Артюшин Сергей, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата святителя Амвросия Медиоланского “О патриархе Иосифе”»);

4. Астафьев Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Оценка мистического опыта шаманизма с православной точки зрения»);

5. Баронец Георгий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Эсхатологическое измерение в Евхаристии»);

6. Бованенко Дмитрий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Христианская нравственность в свете догматического богословия»);

7. Богачев Дмитрий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Жизнь и деятельность преосвященного Иакова, епископа Якутского и Вилюйского»);

8. Брызгалов Михаил, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Метафизика брака по трудам С. В. Троицкого»);

9. Варежкин Александр, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Погребальные обряды и молитва за усопших в Православной Церкви: чинопоследование, история и богословское содержание»);
10. Виноградов Юрий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Опыт духовного руководства преподобного Макария Оптинского по его эпистолярному наследию»);
11. Голубев Дмитрий, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Архиепископ Иоанн (Максимович) Шанхайский и Сан-Францисский: жизнь и деятельность»);
12. Голубев Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение о смирении в эпистолярном наследии Оптинских старцев»);
13. Егер Владимир, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод первой книги трактата святителя Амвросия, епископа Медиоланского, “О Каине и Авеле”»);
14. Еськов Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Истоки исихазма в святоотеческом наследии египетского монашества IV в.»);
15. Коваленко Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Семейная этика в православии и католичестве»);
16. Королев Петр, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Сопоставительный анализ современной служебной и четвѐй редакций церковнославянского текста посланий апостола Павла»);
17. Корчуков Евгений, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов как миссионер»);
18. Кузнецов Максим, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Христианские основы воинского служения»);
19. Ларионов Алексей, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Опыт построения курса “Основы православной культуры” для вузов»);
20. Логунов Игорь, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «История православной миссии в “черной” Африке»);

21. Лочехин Андрей, диакон (по кафедре Библистики на тему: «Епископ Михаил (Лузин) как экзегет Четвероевангелия»);
22. Марочкин Алексей, диакон (по кафедре Церковной истории на тему: «Оценка Указа о секуляризации монастырских вотчин Екатерины II в русской историографии»);
23. Максимец Иларион, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Путь человека от веры к неверию: уроки XX века»);
24. Максимец Павел, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Учение о Боге в книге Бытия»);
25. Овчинников Александр, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Учение о христианской семье по посланиям апостола Павла»);
26. Ошаров Кирилл, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Экзегетический разбор евангельских повествований о Крещении Господа Иисуса Христа и Его сорокадневном искушении в пустыне»);
27. Погребняк Валерий, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Сравнительный анализ “Евангельской истории о Боге Сыне” свт. Феофана Затворника и “Истории евангельской” прот. А. Горского»);
28. Прудников Сергей, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Обзор русской православной литературы, посвященной рассмотрению католической мариологии»);
29. Родионов Андрей, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Анализ катехизических поучений алтайских миссионеров»);
30. Самодумский Николай, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Апология христианства в трудах Г. Честертона»);
31. Солдатенко Андрей, послушник (по кафедре Богословия на тему: «Архимандрит Софроний Сахаров и его духовное наследие»);
32. Сорокин Максим, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Полемические антилатинские трактаты XI в.»);
33. Тагоченков Александр, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «История Рогожской старообрядческой общины и ее

взаимоотношения с Русской Православной Церковью и государством»);

34. Татусь Вадим, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Идейный смысл и история праздника Рождества Христова»);

35. Тимофеев Юрий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Проблема поиска Бога в нехристианских религиях (по книге Х. Бюркле “Человек в поисках Бога”»);

36. Трегубов Евгений, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Вопросы веры и нравственности в трудах святителя Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского»);

37. Трусов Леонид, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Проблема семьи и брака в творчестве русских писателей (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин»);

38. Усачев Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение блаженного Августина о богопознании»);

39. Фомиченко Виталий, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Проблема “общечеловеческого” и “всечеловеческого” в мировоззрении Ф. М. Достоевского»);

40. Фуфаев Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Понятие личность и ипостась в трудах В. Н. Лосского»);

41. Хиров Константин, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Идейный смысл и история праздника Сретения Господня»);

42. Шоха Владимир, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Кафедра Священного Писания Ветхого Завета в Московской духовной академии»);

43. Штых Дмитрий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Богослужебные особенности устава Троице-Сергиевой лавры по архивным материалам, хранящимся в РГБ и РГАДА»);

44. Пантелеимон (Шустов), иеродиакон (по кафедре Филологии на тему: «Проблема нормы церковнославянского произношения»);

45. Юдин Константин, инок (по кафедре Библистики на тему: «Экзегезис Евангелия от Иоанна в гомилетическом наследии святителя Филарета, митрополита Московского»);

46. Ярошенко Алексей, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата святителя Амвросия Медиоланского “O rae”»).

Защитили дипломные работы выпускники Семинарии по экстернату:

1. Вохмин Дмитрий (по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнеописание архиепископа Никона (Рождественского»);

2. Роман (Гаврилов), архимандрит (по кафедре Богословия на тему: «Критический анализ мировоззренческой стороны трудов академика М. С. Норбекова»);

3. Гавриш Сергей (по кафедре Богословия на тему: «Новое видение соотношения религии и науки в XX в. (по книге Й. Барбура “Религия и наука: история и современность”»);

4. Сергей (Куксов), иеродиакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Каноническая оценка церковной реформы Петра Первого»).

Защитил дипломную работу выпускник Семинарии 2004/2005 уч. г.:

Щудро Илья, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение о богоподобии человека в патристической этике»).

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ
ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ (№ 1—10)
И НА ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ
СЕМИНАРИИ (№ 11—19)

1.1. ОТЗЫВ заслуженного профессора К. Е. СКУРАТА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии иеродиакона НИКОНА (Котова) по кафедре Богословия на тему: «Духовно-нравственное учение преподобного Петра Дамаскина»

Начинаю свой отзыв на труд иеродиакона Никона (Котова) необычно — с вопроса к автору: на каком основании он называет в «Содержании» введение и заключение главами? К тому же само по себе напрашивается следующее: вторую главу считать первой, третью, занимающую из 170 страниц работы 122, разделить на четыре. Итого будет пять вполне оправданных глав. Вероятно, сам автор почувствовал ущербность так называемого «Содержания» и потому не перенес его в текст диссертации. Исправить эту ущербность не составит какой-либо трудности, но сделать это необходимо, то есть: «Содержание» назвать «Оглавлением» и привести его в соответствие с текстом.

Требует пояснения дважды высказанная автором мысль: ведут человека по пути праведности или греха Ангелы и люди (соответственно — добрые или злые) «даже против желания» (с. 50, 62). Но ведь на той же странице всего шестью строками ниже преподобный Петр Дамаскин пишет: «...диавол ничего не может произвести для нашей погибели: ни произволения противного, ни изнеможения... ни отнюдь чего-либо иного к принуждению человека, а влагает только напоминание зла» (*Петр Дамаскин, прп.* Творения. Московское подворье ТСА, 2001. С. 20). И сам автор в другом месте заявляет: «...власть темных сил ограничена, и любой грех совершается только с согласия свободной воли человека. Дьявол ничего не может произвести для нашей погибели... ничего... что могло бы обладать принудительной силой» (с. 102, ср. и с. 63).

Требует также пояснение и к следующему, довольно-таки суженному, утверждению автора: «Мирские, житейские попечения даны падшему человеческому роду ради того, чтобы от праздности мы не уклонились в еще большее зло» (с. 69—70). Как с этим согласить слова молитвы Господней, в которой мы просим, чтобы Бог дал нам «наш» хлеб, т. е. нами добытый, хотя, конечно, по милости Божией?

Нравственное делание автор видит в сохранении пяти чувств и заповедей Господних (с. 79). Но дальше раскрываются только заповеди, а чувства забываются. К тому же ошибочно заявляется, что прп. Петр истолковывает значение восьми заповедей — на самом деле он касается всех девяти заповедей, только последние две объединяет (см.: Творения. Цит. изд. С. 48).

Иллюстрации должны помогать понять суть излагаемого. Выражать его. Туманность — недопустима. Напр., что изображено на с. 139?

Глава о Промысле Божиим скудна (всего 2 страницы). А ведь и о сем прп. Петр говорит красноречиво (см., напр., «Об общих и особенных благодеяниях Божиих», «О том, что Бог сотворил все к пользе нашей»: Творения. Цит. изд. С. 257—162). «Если надеваешь на себя одежду, — учит преподобный, — познай, чей она дар, и воспевай Промышляющего о твоей жизни» (цит. изд. С. 159).

Хотя автор и заявляет в последнем разделе своей диссертации («Восемь духовных ведений»), что у св. Петра «ведение происходит постепенно и имеет четкую последовательность, так как предыдущее ведение... всегда является основанием для последующего» (с. 156), — в изложении трудно усмотреть сию «четкость» и «основание». Скорее можно зреть обособленность «ведений».

Список литературы составлен несколько поспешно. Сначала автор перечисляет литературу на иностранных языках, а затем русскую, и вставляет сюда же труды иностранных авторов. И уж совсем непонятно, почему к литературе относится то, что должно занимать место среди источников (напр., «Точное изложение

православной веры» св. Иоанна Дамаскина, творения св. Иоанна Златоуста и др.).

На этом заканчиваются мои замечания к диссертации.

Автор тщательно выявляет представленные прп. Петром догматические темы и в широком плане раскрывает его духовно-нравственные наставления.

Привлекает внимание указание иерод. Никоном свойств Божиих, имеющих отношение к пространству, времени, познаваемости: Бог непостижим, неисследим, неопишем, беспределен, бесконечен, присущ, несоздан, неизменен, непреложен, несложен, невидим, неосязаем... Он есть всемилостивый Вседержитель (с. 41). «Главное, — справедливо утверждает автор, — не то, насколько мы можем проникнуть и уразуметь тайну Божественной жизни, а то, как мы относимся к этой тайне» (с. 43).

Автор верно усмотрел и подчеркнул тесную связь сотериологии прп. Петра с его же аскетикой: «Прп. Петр обращает наше внимание на свободное произволение человека: желание и намерение жить не по своей воле, а по Божией, что есть начало спасения» (с. 46).

Поучительно звучит в диссертации изображение двух лестниц: одной — возводящей на Небо, другой — увлекающей в бездну греховной тьмы (с. 48—49, 50).

Учение о человеке нашло законченное выражение в мысли и словах преподобного: в душе есть три врожденные силы, и человек должен быть «бесстрастным, праведным, благим и премудрым и в богатстве и в бедности, и в девстве и в супружестве, и в начальствовании и на свободе, и в подчинении и в рабстве» — «во всякое время, на всяком месте, при всяком деле» (слова преподобного, с. 54). Единение всех его сил достигается при молитве (с. 56).

В выявлении основных духовных наставлений заключен глубокий смысл слов автора: «Спасение не есть совершившийся в определенный момент факт. Это ежедневный, постепенный подвиг духовного перерождения личности» (с. 62). Как добродетельный «не может находиться в одном и том же состоянии, а продолжает совер-

шенствоваться в добродетелях, так и порочный человек неизбежно увлекается к еще большим грехам» (с. 64—65). Первый подымается по лестнице спасения, другой — опускается.

Оправдано выделение из страстей по своей духовной пагубности гордости. «И без другого греха, — цитирует автор слова прп. Петра, — (одной) гордости достаточно, чтобы погубить душу» (с. 89).

Еще более оправдан в плане духовно-нравственных наставлений сделанный автором акцент на смирении и рассудительности. «Смирение, — читаем в диссертации, — является основанием всякой добродетели... и целью каждой из них. И “ради смирению-дрия приходит благодать”» (слова прп. Петра, с. 89). О рассуждении: «...рассуждение есть свет, показывающий тому, кто его имеет... устройство человека» (слова прп. Петра, с. 115). «Рассуждение есть само умение созидать дом души, добродетели...» (слова иерод. Никона, с. 78). И автор словами преподобного и своими емко обобщает: «Без рассуждения и то, что мы почитаем хорошим, не есть добро или потому что несвоевременно или ненужно, то есть несоответственно, или потому что мы неправильно понимаем сказанное» (с. 111). «Без него бессмысленны и бесплодны все труды» (с. 111).

Вызывает интерес перечисление указываемых преподобным тех добродетелей, о которых прямо не говорят другие св. отцы: «благоприличие, соблюдение порядка, поучительность, неутруждение других, искусство в обхождении, остроумие в добре, правильное употребление вещей, понимание, быстрота ума в добром, приветливость, обходительность, удободоступность» (с. 82). Подобное видим и в названии страстей (с. 82).

Важно также и отнение роли послушания в духовно-нравственной жизни. «Как началом грехопадения послужило преслушание воли Божией, — утверждает автор, — так и возвращению к первоначальному состоянию служит добродетель послушания» (с. 124). В контексте этих суждений необходимо внимание уделить иерод. Никону тому, каким должен быть истинный духовник и как должны строиться отношения с ним ученика — послушника

(см. с. 127—129). Истинный наставник не заслоняет «собой образ Христа, всегда сохраняет внутреннюю свободу ученика... говорит, словно сам еще учится... Духовник не принуждает, а показывает путь спасения» (с. 127). «Отношения же между учеником и учителем должны быть искренними» (с. 127).

Полезны ищущему духовной жизни обстоятельно изложенные наставления прп. Петра о молитве как средстве борьбы со страстями, как средстве приобретения добродетелей, и о молитве пребывающих на высоких ступенях духовного ведения. Последние проносят только «Господи, помилуй» и имеют ум «непрестанно испускающим — от разумений» (с. 144).

Яркие страницы занимает в работе и отдел «Благодарение». Он напоминает то, что, к сожалению, часто нами забывается: «Благодарение есть чувство, которым сохраняются дарованные от Бога духовные, а зачастую и вещественные блага» (с. 146). «Благодарение в нашей власти. И если мы не благодарим, то сами себя лишаем благодати Божией» (с. 150—151).

Яркость свидетельств усиливается приведением примеров. Так, необходимость памятования цели предпринимаемых трудов автор видит в рассказе об одной девице, которая поведала старцу о своих подвигах. Старец задал ей несколько вопросов: «Сделалась ли тебе скудость все равно, что изобилие? Бесчестие, как похвала? Враги, как друзья?» Получив на все ответ: «Нет», старец сказал: «Иди и трудись, ты ничего не имеешь» (с. 112).

Одним словом, духовно-нравственное учение преподобного Петра Дамаскина раскрыто хорошо. Путь подвижничества — путь восхождения к непрерывному постоянству духовного совершенства изображен убедительным языком православного труженика.

Диссертация помогает получить правильное представление о духовной мудрости и содержит практически полезные советы.

Перед читателем встает необыкновенно духовный писатель, знающий и как защитить душу от падений, и как возвести ее на Небесные высоты.

Безусловно, автор данной работы заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата богословия.

1.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ЛЕОНТИЯ (Козлова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии иеродиакона НИКОНА (Котова) по кафедре Богословия на тему: «Духовно-нравственное учение преподобного Петра Дамаскина»

Данная работа посвящена анализу наиболее известных творений прп. Петра Дамаскина и раскрытию его учения о различных аспектах духовной жизни. При этом делается попытка более детально проанализировать информацию, касающуюся его жизни и творчества. Такая цель представляется вполне оправданной ввиду редкости посвященных этому св. отцу работ и малоизученности поставленных вопросов.

Диссертация разделена на четыре неравных главы, которым предшествует краткое предисловие. В предисловии указывается на уникальность книги прп. Петра, но в то же время и на определенную трудность для понимания некоторых его духовных рассуждений. Подтверждение последней мысли высказыванием прп. Макария Оптинского здесь некорректно, потому что в данном случае он приводит в доказательство своих рассуждений совершенно понятные слова прп. Петра о постепенности в молитвенном делании. Также здесь перечисляются немногие существующие по данной теме работы и намечаются основные цели и задачи диссертации. Введение, оно же и первая глава, посвящено, главным образом, сопоставлению политической и духовно-нравственной ситуации в XII в., с одной стороны, в развивающемся мире славянского православия, а с другой — в Византии и Сирии, где констатируется спад в творческой деятельности и оскудение духовных сил. Перечисляя труды византийских современников прп. Петра, автор справедливо указывает на недостаток творческих, не подражательных предшественникам работ, в то время как прп. Петр Дамаскин является продолжателем мистической тради-

ции древних отцов, таких как прп. Макарий Египетский и прп. Максим Исповедник. В конце введения в связи с трудной ситуацией в Сирии того времени поднимается вопрос о том, дано ли ему прозвище Дамаскин по месту его подвигов, или же оно отражает место его рождения, что подробно рассматривается далее, во второй главе. Здесь на основе некоторых сведений в его трудах делается предположение, что прп. Петр жил в пустыне, но не в полном одиночестве, а с одним или двумя подвижниками. В результате подробного рассмотрения предположений о времени его жизни (на 6-ти страницах) автор доказывает наиболее вероятное и распространенное — XII в., и кончина не ранее 1157 г. В отношении прозвища «Дамаскин» автор склоняется к мнению, что оно является фамилией и не связано с местом его подвигов. Это подтверждает правильность русской традиции причисления его к лику преподобных, поскольку если бы он жил в Сирии, то не избежал бы мученичества (греческая традиция называет его священномучеником). Также достаточно подробно диссертант рассматривает все дошедшие до нас труды преподобного, из которых самыми существенными и не вызывающими сомнений в авторстве являются 1-я и 2-я книги его творений.

Третья, самая пространная, глава посвящена учению св. Петра и разделяется на две части — догматическую и духовно-нравственную. В оглавлении слова «путь жизни и путь смерти» входят в название второй части, а в работе выглядят как отдельный подраздел, поэтому непонятно, к чему они относятся. В этой главе рассматриваются те или иные аспекты духовной жизни с точки зрения прп. Петра, поэтому работа приобретает некую методологическую однородность. Сделаю лишь некоторые замечания:

В разделе «Сотериология» автор представляет две лестницы — восхождения и нисхождения, причем последняя (с. 50) имеет вполне определенную последовательность греховных состояний, а в разделе «Жизнь по страстям» (с. 65) он утверждает, что речь о лестнице в нисходящем направлении идти не может.

На с. 77 так и остается непонятным, на какую добродетель прп. Петр указывает как на первоначальную. Изложение здесь не вполне последовательно — называя начальной добродетелью, кроме всего прочего, и терпение, автор через несколько строк снова говорит: «По мысли Преподобного, мы имеем нужду еще и, прежде всего, в терпении...».

Говоря о четырех добродетелях по св. Петру (с. 119—123), т. е. мудрости, рассуждении (или правде), мужестве и целомудрии, автор мог бы попытаться разобраться в причине такого их состава и их предыстории. Тогда он нашел бы, что корни их уходят в классическую этику стоицизма и платонизма, где тоже было четыре добродетели: благоразумие, справедливость, мужество и умеренность. О таком же наборе добродетелей говорят свт. Амвросий Медиоланский и другие древние авторы.

Наконец, в «Заключении» автор подытоживает изложенное в работе, делает небезынтересные выводы об учении прп. Петра, придающие ясность каждому разбиравшемуся положению.

Если говорить о недостатках работы, то можно отметить зависимость стиля автора от стиля первоисточника в его дореволюционном переводе. Некоторые славянизмы, устаревшие слова и порядок построения фразы можно было бы изменить, чтобы достичь понятности и требуемого от диссертации научного стиля. Например, такая фраза: «Его творения — это руководство и помощь в мысленной брани, которая несравненно более тяжкая, чем чувственная». Что понимать под чувственной бранью? Потасовку, сражение, борьбу с чувствами или борьбу чувств между собой? В этом отношении в научной работе хотелось бы видеть некоторый филологический анализ отдельных греческих слов и выражений, особенно если перевод их, как в данном случае, не всегда точен. Например, на с. 82 в числе страстей переводчик перечисляет «отважность», «смелость» и «безнадежность». В некоторых местах дословное цитирование не выделено кавычками, так что трудно бывает определить, где мысль автора, а где высказывание св. отца, особенно если учесть схожесть стиля. Встречается и непродуманность некоторых фраз и выра-

жений. Например, на с. 8—9 автор дает ряд «последних изданий» (в кол-ве трех), в которых упоминается имя св. Петра Дамаскина». Но две книги из них — «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца и «Филокалия» — появились на свет несколько раньше конца XX в., а именно — в 1819 и 1782 гг. соответственно. Следующая фраза, т. е. что «авторы этих изданий» ссылаются на труд Гуйяра, жившего позже, наводят на мысль, что все-таки речь идет о современных комментариях издателей и о чем-то большем, чем простое упоминание имени. Наконец, в работе попадаются синтаксические ошибки и компьютерные огрехи в передаче шрифтов.

Впрочем, несмотря на указанные недостатки, работа имеет немало положительных качеств. Достаточно подробно рассматривается основная проблематика, связанная с личностью и творениями прп. Петра, проводится обширный анализ его учения по ряду вопросов духовной жизни, где выявляется способность автора мыслить в философских, духовно-нравственных и богословских категориях, хорошее владение материалом и усердие. Язык в целом хороший, грамотный, работа читается легко, а в рассуждении о духовных предметах лишена излишней научной сухости. Представляется, что автор показал себя достойным степени кандидата богословия, а его диссертация заслуживает оценки «хорошо».

2.1. ОТЗЫВ профессора А. М. ПЕНТКОВСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии профессорского стипендиата Николая СТОИМЕНОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Первый болгарский перевод Иерусалимского устава (XIV в.)»

Диссертация Николая Стоименова посвящена изучению первого болгарского перевода Иерусалимского устава, появление которого свидетельствовало о начале нового периода в истории богослужения славянских Церквей, связанного с переходом на Иерусалимский устав и созданием новых переводов богослужебных текстов.

Диссертация состоит из введения, основной части, включающей семь разделов (глав), краткого заключения (выводов) и списка

использованной литературы. В приложении к диссертации впервые опубликован текст первого болгарского перевода Иерусалимского устава по рукописи ЦИАИ № 201.

Во введении (с. 6—83) сформулированы цели и задачи исследования, которыми являются «всестороннее рассмотрение с точки зрения текстологии, кодикологии, палеографии, а также подготовка к публикации одного из двух известных в настоящее время науке болгарских списков Иерусалимского устава» (с. 5), определена структура диссертационной работы, изложена история научного изучения греческого текста Иерусалимского устава и его славянских переводов (болгарских и сербских). В небольшом первом разделе основной части (с. 84—90) приведены основные сведения о деятельности преподобного Саввы Освященного, связанной с устройством монастырей, монашеской жизни и богослужения. Во втором разделе (с. 91—93) автор рассматривает основные характеристики иерусалимской литургической традиции и, соответственно, Иерусалимского богослужебного устава до существенных изменений, произошедших в палестинском богослужении в первой половине XI в.

Описание древнейших редакций Иерусалимского устава, появившихся в Палестине в XI—XII вв. в результате адаптации т. н. «первой редакции Студийского синаксаря», сформировавшейся в константинопольских монастырях в X в., находится в третьем разделе (с. 94—98). Четвертый раздел (с. 99—116) посвящен изложению истории создания и последующего распространения Иерусалимского устава в Константинопольском патриархате — сначала в Малой Азии (с конца XI в.), затем в Никейской империи (в первой половине XIII в.), а после 1261 г. — в Константинополе и на Афоне.

Пятый раздел (с. 117—125) содержит сведения о болгарских переводах Иерусалимского устава (о так называемом переводе старца Иоанна и о редакции, связанной с деятельностью свт. Евфимия Тырновского) и об историческом контексте их появления.

В шестом разделе (с. 126—162) приведено кодикологическое, орфографическое и историко-литургическое описание двух извест-

ных списков первого болгарского перевода Иерусалимского устава — Jerusalem, Orth. Patr., Slav. 13 и София, ЦИАИ 201.

Седьмой раздел (с. 163—243) содержит сопоставление текстов первого болгарского перевода Иерусалимского устава по двум указанным рукописям и анализ отмеченных разночтений и различий, результаты которого изложены в заключении (с. 244—255). На основании рассмотренных материалов автор пришел к выводу, что текст, содержащийся в Софийской рукописи, представляет собой результат редактирования первоначального текста, который отражает текст Иерусалимской рукописи.

На с. 256—267 находится список использованной литературы, а в приложении (с. 268—289) приведены уникальные фотовоспроизведения рукописи ЦИАИ 201, иллюстрирующие рассмотренный материал.

Во II томе содержится дипломатическое издание текста первого болгарского перевода Иерусалимского устава по рукописи ЦИАИ 201.

Краткий обзор содержания работы показывает, что автором проделана большая работа по изучению истории греческого текста Иерусалимского устава и его первого болгарского перевода. Тщательное сопоставление двух списков этого перевода позволило автору сделать выводы, справедливость которых не вызывает сомнений, а также определить последовательность редактирования текстов.

Тем не менее некоторые частные выводы автора вряд ли могут быть приняты безоговорочно. Так, например, при анализе текста богослужебного указания на 22 ноября автор полагает (с. 200), что вставка памяти «стго Михаила воина» с текстом кондака существенно изменяет характер богослужения по отношению к тексту, в котором упоминания об этой памяти нет (Иер. 13). Тем не менее наличие данной памяти в ЦИАИ 201 не изменило богослужения этого дня, в который совершалась память апостола Филимона и пелась служба праздника (Введения во храм Пресвятой Богородицы).

Отсутствие упоминания о пении стихир на Слава на стиховне на вечерне 12 августа, в поспраждство Преображения, едва ли следует рассматривать как пропуск в Софийском списке по сравнению с Иерусалимским (с. 207). Скорее всего, неточность имеется в Иерусалимском списке, в котором пропущено *И ныне*.

Вызывает определенные сомнения и регулярное использование особой редакции константинопольского Синаксаря (редакция В*, опубликованна Delehaeye) при анализе различий в памятях двух списков. Данная редакция отражает состояние константинопольского Синаксаря на первую половину XI века, тогда как греческий текст той редакции Иерусалимского устава, к которой восходит славянский перевод, связан, судя по всему, с поздней редакцией константинопольского Синаксаря, которая, однако, не опубликована.

Впрочем, эти и некоторые другие неточности не умаляют достоинств рассматриваемой работы, которая заслуживает положительной оценки, а ее автор — присвоения искомой степени.

Результаты проведенного исследования должны быть опубликованы, однако при последующей работе над текстом диссертации для подготовки ее к печати автору следует уточнить некоторые используемые технические термины (напр., период Пентикостари, с. 154 — период Пятидесятницы). При подготовке же к изданию текста первого болгарского перевода Иерусалимского устава по рукописи София, ЦИАИ 201 автору следует обратить внимание на выбор эдидиционных принципов, так как принцип дипломатического издания (буква в букву, строка в строку) при сохранении лингвистического облика текста существенно затрудняет его историко-литургический анализ.

2.2. ОТЗЫВ преподавателя Ф. Б. ЛЮДОГОВСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии профессорского стипендиата Николая СТОИМЕНОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Первый болгарский перевод Иерусалимского устава (XIV в.)»
Рецензируемая работа посвящена весьма важной теме — рассмотрению первого у южных славян перевода Иерусалимского устава,

который в ходе так называемого второго южнославянского влияния был впоследствии принят и на Руси. Помимо значимых результатов, к которым приходит автор исследования, в данной работе впервые публикуется рукопись ЦИАИ 201, содержащая анализируемый перевод; таким образом, впервые вводится в научный оборот ценный источник по истории Иерусалимского устава у славян.

Отрадно видеть, что в Московской духовной академии под руководством проф. А. М. Пентковского складывается сильная литургическая школа. Хочется надеяться, что силами как самого профессора, так и его учеников исследования в области истории славянских богослужебных уставов будут продолжены.

Диссертационное сочинение г-на Н. Стоименова состоит из введения, семи весьма различных по своему объему глав, заключения, списка литературы, включающего свыше 70 публикаций на русском и иностранных языках, иллюстративных материалов, а также приложения, вынесенного в отдельный том. Общий объем двух томов составляет 528 страниц.

Во введении автор делает обзор литературы об Иерусалимском богослужебном уставе и его славянских переводах. Анализируются труды как русских, так и сербских ученых.

Главы с первой по пятую также носят по сути дела вводный характер.

В первой главе приводятся общие сведения о лавре прп. Саввы Освященного и о палестинской богослужебной традиции.

Вторая глава содержит краткий очерк истории развития Иерусалимского устава до начала XI в. Отдельно рассматривается эволюция лекционной системы, месящеслова и молитвенных текстов.

Третья глава посвящена дальнейшему развитию Иерусалимского устава, а также Иерусалимскому типикону и его древнейшим редакциям.

Предметом анализа в четвертой главе является функционирование Иерусалимского устава в Константинопольском патриархате с конца XI в. и до падения Константинополя в 1453 г.

В пятой главе дано описание болгарских переводов Иерусалимского устава в соотнесении с историческим контекстом их возникновения.

Шестая глава уже непосредственно относится к заявленной теме диссертационной работы: в ней предлагается характеристика рукописей, содержащих текст первого болгарского перевода Иерусалимского устава, с точки зрения кодикологии, лингвистики и литургики, а также описание общего состава указанного перевода по двум спискам.

Седьмая глава как по своему содержанию, так и по объему представляется основным разделом в диссертационной работе Н. Стоименова. Она содержит сопоставительный анализ двух списков первого болгарского перевода Иерусалимского устава — ЦИАИ № 201 и jer № 13. Помимо подробнейшего анализа содержания рукописей с литургической точки зрения, автор, в целях прояснения содержательной стороны обоих списков, производит детальное рассмотрение текстологической истории отдельных фрагментов, выявляет причины возникновения разного рода ошибочных написаний в каждом из текстов.

В заключении содержатся выводы исследователя, а также сформулированы задачи для дальнейших изысканий в смежных с предметом диссертации областях.

Список литературы включает в себя, как уже отмечалось, более 70 работ на русском, сербском, английском и других языках.

В разделе «Иллюстративный материал» приведены два десятка фотографий, воспроизводящих различные фрагменты рукописи ЦИАИ 201.

Второй том диссертации представляет собой публикацию первого болгарского перевода Иерусалимского устава по рукописи ЦИАИ 201 с предпосланной статьей, где излагаются эдиционные принципы, которых придерживался автор работы.

К числу недостатков работы следует прежде всего отнести языковые погрешности, которые, впрочем, оказываются вполне извинительными, если учесть, что русский язык не является родным для автора диссертации.

Кроме того, названия некоторых пунктов и подпунктов по существу представляют собой предложения, включающие не только номинативный, но и предикативный компоненты, в чем нельзя не усмотреть противоречие с научной академической традицией.

Отметим также, что второй том диссертационного сочинения обладает отдельной от первого тома пагинацией, в то время как согласно требованиям ВАК пагинация для всех томов диссертации должна быть сквозной.

Работа содержит и некоторые другие недостатки, которые, впрочем, не влияют на общее благоприятное от нее впечатление. Диссертационное сочинение Николая Стоименова соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает искомой степени.

3.1. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛЛИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Алексия МОИСЕЕВА по кафедре Филологии на тему: «Агиография вчл. Георгия. Канонические и апокрифические источники»

Рецензируемое сочинение посвящено обзору всех — письменных, литературных, изобразительных, устных — источников, так или иначе отображающих предание Церкви и народные представления о жизни и подвигах великомученика Георгия. Автор имеет в поле своего зрения и различные издания текстов — латинские, греческие, грузинские, церковнославянские; и рукописи — в основном древнерусские и хранящиеся ныне в архивах России; и исчерпывающий круг мнений, принадлежащих иностранным и отечественным ученым прошлого и настоящего. Он опирается на достижения историков, филологов, искусствоведов, фольклористов и использует весьма основательный и разнообразный круг источников. Надо сказать, в данной работе вообще впервые оказываются собранными воедино и соотнесенными друг с другом самые разнородные материалы. Это рукописи древнерусской книжной традиции, хранящиеся в отечественных архивах, церковные

издания старой печати и научные труды отечественных ученых. Так что диссертант свящ. А. Моисеев демонстрирует похвальную исследовательскую осведомленность, добросовестность и педантичность. Вместе с тем он благородно стремится решить очень важную для жизни Церкви апологетическую задачу, критически опровергая мнения ряда авторитетнейших светских исследователей и относительно истории формирования предания о святом Георгии Победоносце, и относительно достоверности самого факта его существования. В целом наблюдения и выводы автора диссертации убедительны, и есть все основания считать последнюю полезным вкладом не только в историко-филологическую науку, но и в такой слабо развитый раздел отечественной религиозно-философской мысли, как агиология.

Работа священника А. Моисеева построена традиционно. Она состоит из введения, в котором сформулированы исследовательские задачи, основной части, посвященной анализу всего привлекаемого материала, и итогового заключения. Кроме того, она снабжена библиографией и иллюстрациями. В основной части (на мой взгляд, слишком дробно поделенной по главам) последовательно рассматриваются известные повествования о жизни и мучениях святого Георгия — «Жития» канонические (редакции «В кан.» и «I») и апокрифические (редакции «В апок.» и «С»), сказания о чудесах, богослужебные тексты (прежде всего каноны), сюжеты «деяний» на житийных иконах, духовные стихи. Что касается указанных источников как таковых, то диссертация не содержит новых открытий. Однако нужно отметить, что в ней все же впервые осуществлен их комплексный и соотносительный анализ. Кроме того, применительно ко всей истории предания о великомученике Георгии в ней впервые в качестве источников привлечены гимнографические и иконографические материалы. Это позволило диссертанту убедительно опровергнуть бытующее в историографии мнение о первоначальной легендарной, апокрифической основе предания о святом и показать, что таковое все-таки формировалось на основе древнейшего, но сохранившегося лишь в поздних вариантах канонического текста

(«А») и что, соответственно, издревле начавшееся почитание святого основано на реальной почве, хотя и сокрытой под наслоениями народно-поэтических представлений.

Это все очевидные заслуги автора. Хотя, конечно же, с сожалением приходится констатировать преимущественную опистательность его изложения. Например, диссертант старательно регистрирует содержательные соответствия богослужебных и повествовательных текстов, отмечая зависимость первых от вторых, но при этом все же совершенно оставив в стороне вопрос об их соотношении в плане поэтической и богословской семантики и в связи с этим вопрос об их вполне возможной обратной взаимозависимости, при которой как раз именно гимническое славение святого могло стать почвой для развития предания о нем в повествовательных формах. Работа также могла бы быть более репрезентативной, если бы ее автор был тщательнее и педантичнее в части библиографической. Например, на с. 5 упоминаются мнения исследователей Б. Н. Путилова, В. Н. Лазарева и В. Я. Проппа, но при этом ссылка дана только на работу последнего автора; на с. 11 упоминание издания Алоизия Липомана не сопровождается библиографической справкой; на с. 18 при указании на публикацию Минем метафрастовского текста «Жития» св. Георгия нет сведений относительно использованной издателем рукописи (хотя бы ее датировки и места хранения). Должен, правда, признать, что мне как научному руководителю диссертанта не пристало здесь предаваться его критике, ибо его недостатки — это мои собственные недочеты, а вот его успехи — это результаты его собственных усилий.

Мне все же думается, что осуществлено интересное и нужное исследование. Диссертант в общем выполнил поставленные перед собой задачи. Его работу можно дополнять, углублять, расширять, но и в настоящем своем виде она вполне состоялась. В целом она отвечает академическим требованиям, предъявляемым к кандидатским сочинениям. Поэтому полагаю возможным и необходимым утвердить данную диссертацию с положительной оценкой

(хорошо) и, соответственно, присвоить ее автору — священнику Александрию Моисееву искомую степень кандидата богословия.

3.2. ОТЗЫВ доцента Н. В. КВИЛИДЗЕ на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Алексия МОИСЕЕВА по кафедре Филологии на тему: «Агиография великомученика Георгия. Канонические и апокрифические источники»

Настоящая диссертация посвящена важной и масштабной теме — житийной литературе великомученика Георгия, актуальность которой в связи с празднованием 1700-летия со дня преставления одного из наиболее почитаемых святых в христианском мире приобретает особое значение. Ставя перед собой задачу полного охвата житийных текстов как византийской, так и славянской традиции, диссертант также привлекает в качестве источника агиографического материала литургические тексты, народную поэзию и памятники иконографии. Новизна постановки проблемы заключается в том, что диссертант рассматривает жития св. Георгия, традиционно группирующиеся в корпус канонических и апокрифических текстов, преимущественно с точки зрения их каноничности и соответствия Священному Преданию Церкви. Автор диссертации видит целью своего исследования определение позиции православного богослова в отношении агиографии святого, таким образом смещая акцент с собственно агиографических задач в изучении истории текстов в сторону агиологии.

Диссертация состоит из введения, 11 глав и заключения, снабжена библиографическим списком и иллюстративным материалом. Во введении диссертант дает краткий обзор исследований XIX в., сосредоточив внимание на вопросе об историчности личности св. Георгия, и формулирует цели и задачи своего исследования. В 1-й главе автор продолжает историографический обзор, завершая его статьями 1998 г. (ЖМП) и 2005 г. (ПЭ). Во 2-й главе, которая носит справочный характер, сообщается о традиции буквенного обозначения различных редакций «Жития св. Георгия».

Следующие пять глав посвящены изучению двух канонических редакций «Жития св. Георгия» (гл. III и гл. IV), двух апокрифических редакций «Жития» (гл. V и гл. VI) и цикла «Чудес» (гл. VII), анализу их состава по Великим Минеям Четиям митр. Макария, по «Житиям святых» Димитрия Ростовского, по «Житию св. Георгия Симеона Метафраста» (PG 115, 141—161) и различным славянским сборникам. Опираясь на работу А. В. Горского и К. И. Невоструева, посвященную описанию Великих Четых Минеи митрополита Макария (ЧОИДР. 1884, 1886), диссертант подробно рассматривает план канонического текста «Жития», перечисляет эпизоды, сопоставляет различные варианты текстов, отмечает различия, демонстрируя при этом глубокое понимание принципов текстологического анализа. Заслуживает внимания анализ содержания и приведение сложного и громоздкого агиографического материала в стройную систему, позволяющую структурировать житийный текст. Приступая к исследованию других редакций, автор постоянно ссылается на уже приведенные варианты, связывая их в едином процессе исторического развития и делая этот процесс вполне прозрачным. При рассмотрении апокрифических текстов «Жития» автор излагает краткую историю открытия и публикации греческих, латинских и славянских текстов, проявляя эрудицию и знание историографии вопроса. Как и при анализе канонических редакций, автор пересказывает и цитирует фрагменты текстов, что позволяет ему продемонстрировать отличия и выявить особенности изучаемых произведений. Подробное описание по различным источникам чудес святого позволяет автору сделать ряд важных наблюдений о характере заимствований и взаимном влиянии различных редакций, в том числе в отношении «Чуда о змие». В диссертации впервые приводится полный обзор различных редакций чудес, что позволяет выявить различия и сходство в разных версиях, до сих пор не сопоставлявшихся. В гл. VIII автор обращается к арабским источникам и анализирует мусульманское сказание о св. Георгии, опираясь на работу М. О. Аттая (1895). Поскольку дошедшие до нас канонические тексты «Жития» значительно «мо-

ложе» апокрифических, автор диссертации ставит своей целью обосновать гипотезу первоначальности канонического варианта текста. Именно этой цели служит подробный анализ инославного текста, который отражает раннюю сирийскую традицию и, как показывает автор диссертации, свидетельствует о более раннем происхождении канонического варианта «Жития». Столь же подробно останавливается автор на разборе литургического материала, народной поэзии и иконографии. Причем и в отношении гимнографии, и в отношении иконографии диссертант прежде всего занимает вопрос, на каноническую или апокрифическую традицию ориентируются создатели служб и икон, ответ на который он пытается найти, сопоставляя соответствующие сюжеты. Привлечение подобного круга источников принципиально отличает данное исследование от предшествовавших работ и позволяет автору прийти к широким обобщениям на основании скрупулезно исследованных параллельных текстов. Научная новизна работы заключается в том, что впервые исследование агиографии св. Георгия носит комплексный характер, что помогает подробно разобраться в закономерностях развития текста и почитания святого. Особо надо отметить добросовестный характер проделанной работы, широту изученного материала, внимательное отношение к исследовательским работам предшественников, позволяющее в ряде случаев выявить их ошибки, и полноту изложения, особенно важную, когда речь идет о сюжетных сопоставлениях в житийных текстах, литургических памятниках, народных стихах или в клеймах житийных икон.

Отмечая исключительный по объему охват материала, тщательность его изучения и глубину выводов, нельзя не упомянуть и о ряде недостатков данного диссертационного исследования. Прежде всего это касается формы работы. Дробное членение текста на одиннадцать глав, объем которых иногда составляет три-пять страниц (гл. I), иногда одну (!) страницу (гл. II), нарушает цельность и дает не вполне адекватное представление о значимости того или иного раздела диссертации. Следует также указать на то, что анализ греческих и латинских текстов по их русским средневековым перево-

дам противоречит принципам текстологического анализа, следовать которым стремится автор данного диссертационного исследования. Это же относится к изучению текстов по исследовательским работам, а не по памятникам или их публикациям. Обзор работ XIX в. по темам соответствующих глав следовало бы изложить в главе, посвященной историографии, и в дальнейшем давать материал в сссылках, а не в самом тексте диссертации. Недостаточно полно представлена иконография (гл. XI), в которой не учтены последние работы по иконографии св. Георгия, в том числе раздел «Иконография» статьи о св. Георгии в ПЭ, на которую автор в других случаях ссылается.

Однако эти замечания не могут изменить в целом положительное мнение о диссертационном исследовании, которое также может служить хорошим пособием при изучении агиографии св. Георгия.

Работа священника А. Моисеева соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а соискатель несомненно заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата богословия.

4.1. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛЛИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Вадима ПЕТРОВСКОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Источниковедческий обзор фондов Московской духовной академии»

Задача изучения современного состояния архивов Русской Православной Церкви, которое почти столетие находилось под запретом, ныне является одной из самых первостепенных. Поэтому совершенно очевидны актуальность и новизна избранной священником Вадимом Петровским темы исследования. Осуществленная в итоге работа представляет собой долгожданный обзор всего архивного наследия дореволюционной МДА, которое после революции оказалось сосредоточенным в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 172) и Центральном историческом архиве г. Москвы (фонд 229). Несомненно, важным аспектом данной диссертации является обзор указанных фондов не по от-

дельности, а на базе единой описи с распределением документов по основным комплексам. Замечательно также, что исследователь специально рассмотрел описи, составленные делопроизводителями дореволюционной Академии. Это позволило ему четко определить структуру архива МДА и с предельной точностью установить количество утерянных единиц хранения.

Конечно же, подробное описание буквально всех материалов архива не смогло бы вписаться в рамки кандидатской диссертации. Так что автор совершенно разумно ограничился наиболее важными и значимыми документами. Например, обозревая в первой главе своей работы материалы, отражающие деятельность по руководству МДА, он акцентировал внимание на предписаниях Комиссии духовных училищ (в разделе «Материалы правлений Академии»), указах Святейшего Синода, переписке с московским митрополитом (в разделе «Совет Академии»), что показательно не только для истории МДА, но и для всей системы духовного образования в дореволюционной России. Напротив, характеристика сохранившихся в фондах диссертаций выпускников Академии, по справедливому мнению автора, заслуживает отдельного исследования. Особенно значимым является то, что многие описанные здесь документы ранее совсем не привлекались к изучению. Среди них следует отметить журналы Конференции МДА, опись Покровского академического храма (в разделе «Канцелярия МДА»). Подробно рассмотрена диссертантом документация ректора и инспектора. Наряду с документацией руководства МДА рассмотрены также источники, раскрывающие жизнь студенчества. Несомненно, все это восполняет картину не только истории МДА, но и заведений Московского духовно-учебного округа. Совершенно верно исследователь сосредоточивает свое внимание на недатированных единицах хранения, на разрозненных документах за разные годы, на сборных делах, на личных делах монашествующих студентов.

Вторая глава диссертации посвящена разбору всех входящих и исходящих писем ректоров МДА. Автор справедливо, во избежание дублирования информации, сделал лишь краткий об-

зор писем к архимандритам Евсевию (Орлинскому) и Алексею (Ржаницыну). При рассмотрении писем к неустановленным ректорам выявлена датировка и адресаты некоторых. Описывая переписку ректоров МДА, диссертант сумел изложить материал в легко читаемой повествовательной форме. Особый интерес составляет рассмотрение представлений ректора протоиерея Анатолия Орлова Святейшему Патриарху Тихону, раскрывающих условия, в которых существовала МДА в 1918 году. Автор справедливо выделил их отдельно, так как эти документы являются едва ли не единственными источниками архива по изучению последних лет жизни МДА.

Рассмотрению личных дел ректоров и известных церковных деятелей посвящена третья глава диссертации. Автор полностью раскрыл внутренний состав описываемых личных дел и на основании данных источников составил биографические сведения. Автор критически и источниковедчески грамотно сумел выявить документы, попавшие в личное дело по ошибке и не имеющие отношения к тому или иному лицу, и это также, несомненно, является его значительным успехом, особенно ценным для изучения биографий новомучеников и исповедников, бывших членами преподавательской корпорации МДА (архим. Илариона (Троицкого), И. В. Попова и др.).

В целом труд священника В. Петровского мне очень понравился, он, бесспорно, отвечает академическим требованиям, предъявляемым к кандидатским сочинениям. Диссертант вполне справился с поставленными перед собой конкретными задачами. Нелегко даже к чему-либо придаться. Да и было бы несправедливо, ибо то, что не сделано им, — по крайней мере уже обозначено как поле для будущей исследовательской работы. Отсюда практическая значимость диссертации: это прекрасное подспорье и для архивистов, и для историков, и для прочих исследователей. Соответственно, полагаю возможным и необходимым признать ее выполненной на отлично и присвоить ее автору — священнику Вадиму Петровскому исковую степень кандидата богословия. Хотя должен признать, что подобная квалификация совсем не вяжется с профилем, тематикой,

проблематикой выполненной работы. Ее бы куда лучше отражала степень кандидата церковной истории.

4.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Вадима ПЕТРОВСКОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Источниковедческий обзор фондов Московской духовной академии»

В кандидатской диссертации священника Вадима Петровского предлагается обзор неопубликованных дореволюционных фондов Московской духовной академии, а именно ее архива, состоящего из рукописных, машинописных и прочих материалов. Данная работа весьма актуальна для современной академической науки, которая стремится как можно более работать по первоисточникам.

Работа состоит из трех обширных глав, которые предваряются введением. После заключения приводится пространный список неопубликованных источников и библиография.

По вступлению дан краткий, но вполне исчерпывающий историографический обзор исследований современных российских архивистов.

Об избранной автором методологии можно сказать следующее. Автор насколько возможно систематично и логически последовательно излагает содержание архивов, причем он сознательно обращает внимание на более разнородные разделы, как труднодоступные. Также нельзя не отметить трудолюбие автора, который в течение 2-х лет несколько раз в неделю работал в архивных учреждениях г. Москвы.

Сведения, сообщаемые автором, порой уникальны и во многом полезны не только для историка, но и для современности. Например, предписание Комиссии духовных училищ о том, чтобы выпускники семинарий, которые готовились к принятию священного сана, каждый год давали бы отчет семинарскому руководству о своих занятиях, а последнее рассматривало бы их выписки, сочинения и

переводы, удостоверяясь, с пользой ли они провели год (с. 27). Или замечания митрополита Московского Сергия (Ляпидевского) на отзывы профессоров о студенческих сочинениях (с. 39).

Найдены также весьма ценные документы: критические замечания митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) на перевод «Лествицы», основанные на переводе старца Паисия и архимандрита Макария (с. 78). Или запись о годичном сроке описания библиотеки Вифанской семинарии, насчитывающей около 11-ти тысяч наименований (с. 42).

Автор умело распределил описание фондов. Первая глава посвящена всему архиву МДА, вторая — документам, хранящимся в ОР РГБ, третья — документам, находящимся в ЦИАМ. Более всего внимания уделено ректорам Академии: их переписке и личным делам.

В первой главе дается характеристика всего архивного наследия Московской духовной академии. Автор следует структуре МДА, однако при этом некоторые документы выделяет в особые разделы. Это, в первую очередь, касается материалов ректора (книги входящих и исходящих бумаг) и инспектора (штрафные книги, докладные записки).

Вторая глава исследования носит название «Переписка ректоров МДА», причем следует отметить, что речь идет именно об официальной переписке. Кроме того, здесь рассмотрены также и письма, присланные из канцелярии митрополита Московского с его резолюциями. В подавляющем большинстве рассмотрены письма 1878—1918 гг., разнообразные по тематике и написанные разными авторами (см. особо переписку епископа Феодора (Поздеевского) и др.).

Третья глава диссертации называется «Личные дела». Здесь автор раскрыл состав личных дел ректоров и известных церковных деятелей и дал критический анализ, доказав ошибочность комплекции некоторых из них. При этом автору удалось найти важные документы, например указ Святейшего Синода о назначении ректором архимандрита Филарета (Амфитеатрова), находящийся в личном деле архимандрита Филарета (Гумилевского) (с. 140). Также

обоснована ошибочность хронологических рамок многих дел, искусственно расширенных за счет документов другого лица. В преподавательском деле архимандрита Михаила (Лузина) хронологические рамки, например, были установлены на основании сведений его студенческого дела (с. 161—162).

Самым существенным недостатком работы является ее фрагментарность. Автор, имея дело с разнородным материалом, обращал внимание на некоторые факты, оставляя другие вне поля зрения. С другой стороны, некоторые факты и лица неоднократно упоминаются, однако без указателя найти нужный материал не так-то просто. Таким образом, автор должен был бы потрудиться и далее с тем, чтобы превратить свою диссертацию в более фундаментальную монографию, которая могла бы выполнять роль справочника-путеводителя по архиву Академии.

В целом работа заслуживает отличной оценки. Она может послужить добрым примером для других духовных учебных заведений, которые тоже должны были бы сделать тщательный обзор своего дореволюционного архивного наследия.

4.3. ОТЗЫВ преподавателя Д. В. САФОНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Вадима ПЕТРОВСКОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Источниковедческий обзор фондов Московской духовной академии»

Архивное наследие Русской Православной Церкви в последние несколько лет привлекает пристальное внимание как церковных, так и светских исследователей. Важным показателем значимости этой темы является то, что с 2003 г. курс, который ставит своей целью изучение источников и архивов РПЦ, читается в МДА, а также в ПСТГУ. Однако историография этой темы еще очень мала, изучение архивного наследия РПЦ во многих областях только начинается. Диссертационное исследование свящ. В. Петровского впервые в историографии посвящено комплексному изучению фондов МДА, раздробленных в советские годы по разным архивохранилищам.

Тема исследования раскрывает многие неизученные стороны жизни дореволюционной Академии и чрезвычайно для нее актуальна.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы. Структура работы представляется весьма продуманной и логичной.

Во введении всесторонне и полно обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи, хронологические рамки и практическая значимость исследования, дан обзор историографии и источников. Автор обстоятельно изучил и охарактеризовал литературу, так или иначе касающуюся его темы. Нужно отметить, что автору удалось проанализировать новейшую историографию. Однако более обстоятельной характеристики заслуживают работы Н. Ю. Суховой, посвященные архиву МДА. Кроме того, хотя бы краткой характеристики заслуживает монография В. А. Тарасовой, в которой широко использовались документы архива МДА.

В первой главе «Обзор фондов Московской духовной академии» дается характеристика всем фондам МДА, что весьма важно, т. к. в историографии исследований такого рода не предпринималось, в то время как практическая необходимость иметь такого рода обзор очень велика. Подробная характеристика всех фондов не могла вместиться в рамки кандидатской диссертации, поэтому автор выделяет наиболее существенные и важные документальные комплексы в каждом из фондов.

Автор подробно анализирует документы руководящих органов Академии, особо акцентируя внимание на документах, относящихся к деятельности ректоров и выдающихся представителей профессорско-преподавательского состава. Наиболее подробно изучена документация ректоров Академии, что представляется совершенно оправданным. Значительный научный интерес представляет обзор документов канцелярии МДА.

Вторая глава исследования носит название «Переписка ректоров Московской духовной академии» и посвящена исследованию материалов архивных фондов МДА, связанных с деятельностью руководства Академии.

Достаточно ценным вкладом автора в исследование темы является атрибуция им некоторых документов, авторство которых не было определено в описях.

Третья глава диссертации посвящена личным делам, большинство из которых были изучены свящ. В. Петровским впервые.

Несомненным достоинством исследования является то, что оно опирается на обширную источниковую базу, автор последовательно и источниковедчески грамотно вводит в научный оборот целый ряд важных источников, касающихся истории МДА.

Работа написана хорошим литературным языком, ее оформление соответствует установленным правилам и стандартам.

Укажем некоторые недочеты, исправление которых было бы желательным.

Необходимо, чтобы названия внутренних разделов каждого из параграфов были отражены в оглавлении. В разделах, посвященных переписке ректоров, необходимо в каждом случае указывать годы ректорства того или иного лица.

С. 69. «Установлена принадлежность документов иеромонаху Фаддею (Успенскому), которые при сравнении с личным делом говорят об одном и том же». Необходимо раскрыть более подробно, о каких документах идет речь.

С. 70. «Немаловажным является размещение формулярных списков преподавателей (по годам), некоторые находятся в фонде 172 ОР РГБ (размещены по фамилиям)». Необходимо разъяснить, что такое формулярные списки, и пояснить, почему их размещение по годам является «немаловажным».

С. 120. «Однако для нас остается непонятным представление от 27 июля 1916 года, адресованное епископу Феодору как управляющему Московской епархией от исполняющего должность ректора МДА». Нужно изменить фразу.

В разделе «Письма к неустановленным ректорам» необходимо попытаться установить адресата, используя различные источники.

Также в разделе «Письма, присланные из канцелярии митрополита Московского (с его резолюциями)» необходимо каждый раз

указывать имя митрополита, по датам, имеющимся в письмах, установить его не составит труда.

Не следует употреблять термин «бумаги», который в источниковедческих исследованиях заменяется терминами «документ», «источник» и т. п.

Имя, приводимое в названии разделов, должно соответствовать состоянию на год окончания личного дела, например, не «Сергей Константинович Смирнов», а «протоиерей Сергей Смирнов».

В некоторых случаях автор приводит имена монашествующих без фамилий, нужно постараться установить фамилии, тем более что практически все они упоминаются в архивных документах МДА. Особенно это касается членов администрации и преподавателей МДА.

Сделанные замечания носят частный характер и легко устранимы. В целом же диссертация свящ. В. Петровского выполнена на высоком научном уровне, ее отличает актуальность, научная новизна, теоретическая обоснованность и практическая направленность основных выводов. Диссертация содержит решение важной научной задачи — архивоведческий и источниковедческий обзор фондов МДА.

Материалы диссертационного исследования свящ. В. Петровского в 2005—2006 уч. году использовались в ходе преподавания курса источник- и архивоведения в МДА.

В ходе работы над темой диссертант проявил исследовательские способности, знание проблемы, навыки квалифицированно-го анализа, в том числе источниковедческого, и умение излагать теоретические положения и выводы добротным научным языком. Диссертация выполнена на высоком профессиональном уровне и существенно расширяет наши знания о многих аспектах истории МДА.

Как научный руководитель полагаю, что диссертационная работа священника Вадима Петровского «Источниковедческий обзор фондов Московской духовной академии» соответствует требованиям к кандидатским диссертациям на соискание ученой степени кан-

дидата богословия, кроме того, по большинству параметров работа соответствует требованиям ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

5.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии епископа Шацкого ИОСИФА (Македонова) по Церковно-исторической кафедре на тему: «История Рязанской духовной семинарии (1814—1840)»

Кандидатская диссертация епископа Шацкого Иосифа, объемом 211 страниц авторского текста, включая библиографию, состоит из введения, обзора источников и литературы, пяти глав («Духовно-школьная реформа 1808—1814 гг.»; «Осуществление духовно-школьной реформы 1808—1814 гг. в Рязанской семинарии», «Учащие и учащиеся Рязанской духовной семинарии в 1814—1840 гг.»; «Воспитательный процесс в Рязанской духовной семинарии»; «Учебный процесс в Рязанской духовной семинарии в 1814—1840 гг.») и заключения. В диссертацию включено 15 приложений, содержащих биографии деятелей духовного образования, списки воспитанников, выпускников, статистические данные, учебные планы, тексты различных документов — всего объемом 184 с.

Представленная к защите диссертация является солидным исследованием, написанным с исчерпывающим учетом литературы по ее теме, основанным на большом массиве архивных дел. История Рязанской семинарии за 26 лет ее существования между двумя реформами духовного образования представлена с поразительной полнотой и всесторонне; в работе широко отражен также предшествующий реформе период из истории Рязанской семинарии от самого ее основания, хотя и в надлежащей пропорции с прямым предметом исследования.

В диссертации содержатся сведения, касающиеся приходских и духовных училищ Рязанской епархии. История Рязанской семи-

нарии представлена в рецензируемой работе на фоне всей системы духовного образования соответствующей эпохи и в сопоставлении с положением дел в других семинариях.

Характеристики и выводы диссертанта отличаются основательностью, взвешенностью и убедительностью. Они завидным образом отличаются от оценок, которые можно почерпнуть из ранее написанных книг и статей по истории духовного образования, авторы которых склонялись часто к тенденциозным, односторонне критическим заключениям о состоянии и самой системе духовного образования в России; до известной степени такой недостаток можно обнаружить и в работе Д. Н. Агнцева по истории Рязанской семинарии, материалы которой автор диссертации широко использует в своем труде.

У рецензента есть несколько критических замечаний по тексту диссертации. На с. 11 параграф, озаглавленный «Исторические источники», следовало бы назвать «Опубликованные источники».

В работе в изобилии представлены разнообразные точные сведения о материальном положении Рязанской семинарии, расходах на содержание воспитанников, на строительные работы и покупку зданий, об окладах преподавателей. В течение второй половины того периода, который отражен в диссертации, деньги в России считались по двум курсам: серебром и ассигнациями (разница была примерно в 3,5 раза). В большинстве случаев при этом в работе нет указаний на то, по какому курсу приводятся денежные суммы, и читателю приходится об этом догадываться самому.

На с. 117—118 говорится о том, что большинство выпускников Рязанской семинарии, обучавшихся впоследствии в академиях, возвращались по их окончании в родную епархию — в обоснование этого утверждения, вероятно справедливого, приводится то обстоятельство, что среди членов Рязанской консистории и соборных протоиереев за 1833 г. большинство были выпускниками Рязанской семинарии. Может быть, эти сведения и указывают на правильность заключения, но его не доказывают — члены консистории и соборные протоиереи не всегда имели академическое образование; веро-

ятно, все было бы на месте при сделанном уточнении относительно академического образования как членов консистории, так и соборных протоиереев.

Диссертант подробно пишет о формировании семинарской библиотеки; читателю было бы интересно узнать о ее дальнейшей судьбе, но об этом автор диссертации умалчивает.

В диссертации есть небольшое число опечаток, в частности, в разных местах пропущены отдельные слова, которые, однако, вычитываются из контекста; например, на с. 187: «разрабатывается четкая система его [пропущено — “финансирования”] за счет процентов с так называемых “духовно-учебных капиталов”».

Диссертация заслуживает отличной оценки, а ее автор присвоения ему степени кандидата богословия.

5.2. ОТЗЫВ профессора А. К. СВЕТОЗАРСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии епископа Шацкого ИОСИФА (Македонова) по Церковно-исторической кафедре на тему: «История Рязанской духовной семинарии (1814—1840)»

В своей работе автор диссертации представил всесторонний и достаточно детализированный анализ становления и функционирования Рязанской духовной семинарии в период 1814—1840 гг., от начала «александровской реформы» духовных школ до начала преобразований, связанных с деятельностью обер-прокурора Святейшего Синода графа Н. А. Протасова.

История одного из духовных учебных заведений Русской Православной Церкви, рассматриваемая в достаточно узких хронологических рамках, тем не менее представлена в неразрывной связи с предшествующим периодом истории духовного образования в России.

Автор показал как прекрасное знание системы духовного образования в России в рассматриваемый период, так и владение основным объемом литературы по указанной теме. Правда, едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что в современной

литературе неизвестны «работы, посвященные истории провинциальных семинарий» (с. 12). Работы на данную тему существуют. Так, в 1992 г. в Московской духовной академии была успешно защищена дипломная работа протоиерея В. Цешковского «История Таврической духовной семинарии». Работа иеродиакона Питирима (Чембулатова) «История Рязанской духовной семинарии», защищенная в 2003 г. в Николо-Угрешской духовной семинарии, возможно, даже известна автору диссертации. Кроме того, следует указать и кандидатскую диссертацию преподавателя МДАиС Г. Е. Колыванова, посвященную истории духовного образования в России.

Среди работ, включенных автором в обзор источников и литературы, фигурирует кандидатская диссертация Д. А. Захаратоса «Московский учебный округ в 1804—1835 гг.: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров» (с. 13). Однако на с. 23 автор ссылается только на автореферат. В связи с этим возникает вопрос: знаком ли автор с текстом самой диссертации Д. А. Захаратоса? Во всяком случае, в списке используемой литературы (с. 202) указан только автореферат.

В значительной мере автор диссертации базируется на архивных источниках — фонды 627, 634, 1280 Государственного архива Рязанской области. И следует указать на то, что архивные материалы, использованные в работе, позволяют в деталях представить себе определенные сферы жизнедеятельности не только Рязанской духовной семинарии, но и всей системы духовного образования в Рязанской епархии. Данное утверждение особенно относится к гл. 3 диссертации («Внутренний строй и воспитательный процесс в Рязанской духовной семинарии в 1814—1840 гг.»), в которой автор дает детализированную картину финансово-хозяйственной и бытовой сторон жизни учебного заведения, останавливаясь и на социальной ориентированности духовных школ на примере Рязанской духовной семинарии. Эту главу диссертации следует считать основной (ее объем составляет 57 страниц при объеме основного текста

186 страниц, включая 19 страниц введения, 16 страниц главы 1-й, посвященной обзору духовно-школьной реформы 1808—1814 гг., и 26 страниц главы 2-й, раскрывающей (достаточно детально) процесс осуществления духовно-школьной реформы 1808—1814 гг. в Рязанской семинарии).

Особого внимания заслуживает глава 4-я «Воспитательный процесс в Рязанской духовной семинарии». Здесь автор лишь один раз ссылается на архивные источники (на с. 129), предпочитая черпать фактический материал из опубликованных источников (публикации Знаменского, Соколова, Агнцёва, архиепископа Симона (Лагова), архимандрита Иеронима (Алякринского), Титлинова и др.).

В основном — это публикации официального характера, что значительно сузило базу источников. И это тем более обидно, так как именно к воспитательной работе духовных семинарий синодального периода наши оппоненты из числа как светских, так и церковных историков и публицистов предъявляют наибольшие претензии.

Конечно, избранный автором период был относительно благополучным, он едва ли сравним с ситуацией в духовных школах, сложившейся в 60-е—80-е гг. XIX в., и тем более — со «старинной бурсой», о которой писал не только Помяловский из среды демократов-народников, но и хорошо известные автору диссертации Б. В. Титлинов и прот. Д. И. Ростиславов. А их мнение следует учитывать, поскольку Б. В. Титлинов был не только одним из идеологов обновленчества, но и выдающимся историком Русской Церкви, а выступление прот. Д. И. Ростиславова, которого вполне можно охарактеризовать как наиболее последовательного предшественника обновленчества, произвело целую сенсацию в эпоху александровских реформ 60-х гг. XIX в. Вместо аргументированных возражений в работе высказывания этих и других «неудобных» авторов классифицируются как воззрения людей, «которые пишут об истории духовных школ с недоброжелательностью, сквозь призму либеральной парадигмы» (с. 139, подобное выражение — «либеральная парадигма» — постоянно присутствует в тексте и «выносит за скобки» неудобные автору диссертации воззрения).

При всем при этом автор работы обильно цитирует носителей «либеральной парадигмы» — Титлинова и Ростиславова, и, что самое парадоксальное, — в главе, посвященной воспитательному процессу в Рязанской духовной семинарии!!!

Только один раз автор «с цифрами и фактами в руках» отвечает на выпады исторических оппонентов — в главе, посвященной финансово-хозяйственной сфере деятельности Рязанской духовной семинарии. На с. 69—74 он представляет очень интересный сопоставительный анализ, касающийся доходов представителей ведомств светского и церковного просвещения. Что касается многочисленных негативных фактов семинарской жизни, по крайней мере, относящихся к эпохе «николаевского времени» (см., например, опубликованные в недавнее время воспоминания представителей 4-х поколений священнослужителей, обучавшихся во Владимирской духовной семинарии), то здесь автор вновь предпочитает уклониться от анализа конкретных исторических фактов со следующей мотивацией: «В большом ученическом коллективе Рязанской духовной семинарии случались различные нарушения дисциплины. Однако их смягчала и нивелировала особая духовная атмосфера семинарии и уездных училищ. Эта атмосфера определялась церковностью как главной основой всего воспитательного процесса в духовных школах». Что это была за особая «атмосфера», из предшествующего изложения понять не так просто. Выше изложены примеры архипастырского попечения о духовной школе, почерпнутые исключительно из официальных изданий, правила внутреннего распорядка и принципы, определяющие систему наказаний и поощрений. Вот и все. Возникает вопрос к автору работы: если Рязанская духовная семинария в рассматриваемый период избежала разного рода явлений негативного характера, присущих другим духовным школам, то чем это вызвано? И какова источниковая база, позволяющая нам сделать выводы положительного характера?

Глава 5-я «Учебный процесс в Рязанской духовной семинарии в 1814—1840 гг.» основана почти исключительно на данных опубликованных источников и на материалах исследователей

XIX — начала XX в. (Титлинов, Агнцев, Червинский, Смирнов) с редко встречающимся обращением к архивным источникам.

Таким образом, наиболее весомой частью работы следует, на наш взгляд, считать главу 3-ю, посвященную в основном финансово-хозяйственной сфере деятельности Рязанской духовной семинарии. Всю работу в целом следует оценить положительно, а ее автора считать достойным искомой степени.

6.1. ОТЗЫВ профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Александра ОРЛОВА по кафедре Богословия на тему: «Соотношение веры и знания в религиозно-философских воззрениях В. И. Несмелова»

Диссертация иерея Александра Орлова — не первое обращение к наследию знаменитого богослова в Московской духовной академии. В конце 1980-х гг. ему посвятил свою кандидатскую работу нынешний ректор СПбДА архиепископ Константин (Горянов).

Проблематика рассматриваемого исследования пересекается с ней лишь в своих отправных пунктах, связанных с антропологией В. И. Несмелова, что вполне понятно и логически мотивировано. В дальнейшем автор осуществляет вполне добросовестный, насыщенный сопоставлениями монографический анализ книги казанского профессора «Вера и знание с точки зрения гносеологии», привлекая также и другие его работы. Иерею Александру Орлову удалось убедительно показать, что существенной особенностью и несомненным преимуществом гносеологических взглядов В. И. Несмелова является их соотнесенность с сотериологической темой.

С интересом читается сравнение гносеологии В. И. Несмелова со взглядами славянофилов и представителей классической немецкой философии. Вполне очевидно, что Несмелов многим был обязан и Канту, и Фихте, но нюансы этих отношений обычно оставались без внимания. Автор достаточно методично исследовал эту тему и в основном склонился к оценкам, которых придерживался и известный исследователь русской философии покойный Александр Иванович Абрамов.

Особенно любопытно сравнение взглядов В. И. Несмелова с позициями его современников — профессоров духовных академий. Автор здесь привлекает труды архиепископа Никанора (Бровковича), Алексея Ивановича Введенского, свящ. Павла Флоренского. Здесь диссертант — несомненный первопроходец.

Работа получилась достаточно стройной по структуре, прозрачной по смыслу, отражает хорошее знакомство автора с материалом и содержит выводы, которые можно считать нетривиальными. Она написана хорошим языком.

Кандидатская диссертация иерея Александра Орлова соответствует требованиям, предъявляемым к подобным исследованиям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия.

6.2. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Александра ОРЛОВА по кафедре Богословия на тему: «Соотношение веры и знания в религиозно-философских воззрениях В. И. Несмелова»

Представленная работа имеет четкую структуру, две главы ее соответствуют классическому плану: «текст/контекст». Работа радует своей лаконичностью, автор умеет держаться в рамках анализируемой проблемы, не увлекаясь посторонними темами. Правда, не совсем понятно, что автор имеет в виду под «методологической базой», куда входят «методы компаративистского анализа, историзма, диалектики» (с. 7).

Содержательно особенно привлекает раздел «Способы познания и их различия». «Проведя психологический анализ ума, — пишет автор (с. 23), — Несмелов приходит к выводу, что в процессе восприятия человеком видимого мира (или объективного бытия) в действительности можно узнать лишь реальность существования самого себя как воспринимающего этот видимый мир, не более того». Жаль, что автор работы не акцентирует эту тему, могущую быть связанной с проблемой солипсизма, ставшей особенно популярной в англосаксонской философии межвоенного и особенно послевоенного периода. При этом

сам солипсизм, благодаря Витгенштейну, вообще аналитической философии и т. д., утратил отрицательную оценку и стал рассматриваться как вполне правомерная гносеологическая предпосылка. Тем более интересно было бы связать эти идеи с творчеством Несмелова, в котором, как видим, данная тема присутствовала на полвека ранее.

То же самое можно сказать и о разделе «Гносеология Несмелова в контексте европейской и русской мысли». В название этого раздела следовало бы добавить «в контексте *современной (Несмелову) мысли*», т. к. содержание раздела более соответствует именно такой формулировке. Данный контекст не выходит в своей европейской части за рамки кантианства, ставшего на некоторое время в России нач. XX в. популярнее фихтеанства, эмпириокритицизма и творчества Фейербаха. Однако, если не ограничиваться современными Несмелову течениями, преломление его идей мы бы увидели в различных теориях современной философии науки и в особенности эпистемологии — от Куна и Фейерабенда до Поппера и Лакатоса. Это, конечно, увеличило бы объем работы, но более соответствовало бы заявленной в разделе теме.

Что касается русского контекста, стоило бы смягчить традиционный антикантианский пафос русской мысли (особенно духовно-академической) указанием на альтернативные в русской среде взгляды на значение Канта. Тому же Лопатину принадлежит целый ряд очерков о Канте и отдельная работа как раз о его гносеологии, вышедшая, правда, в Берлине уже после смерти самого Лопатина.

В целом работа может быть оценена на «отлично».

7.1. ОТЗЫВ профессора М. М. ДУНАЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Сектора заочного обучения священника Андрея БЕЗРУЧКО по кафедре Филологии на тему: «Христологические заблуждения Л. Н. Толстого в сопоставлении с взглядами святых отцов Церкви»

Кандидатская диссертация священника Андрея Безручко посвящена теме, становящейся вновь злободневной. Уже несколько лет либе-

рально мыслящие исследователи творчества Л. Н. Толстого требуют отмены известного определения Святейшего Синода, в котором констатировалось абсолютное отпадение писателя от Православия. Многие литературоведы прямо утверждают, что Толстой всегда был православным христианином, а отлучение его есть следствие либо недоразумения, либо намеренного лицемерия церковных властей. Ответить на все это можно только одним: обстоятельным систематизированным анализом вероучения Толстого. Ориентиром при этом должна стать святоотеческая христология. Эту задачу и попытался решить священник Андрей Безручко, избирая для себя названную тему.

Конечно, высказываний о христологических заблуждениях Толстого ныне уже предостаточно. Но пока еще не появилось систематизированного исследования всех еретических воззрений Толстого, и прежде всего его нехристианского понимания личности Сына Божия. Представленная к защите диссертация есть, повторимся, первая попытка провести подобное исследование.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. К работе приложена библиография, состоящая из ста наименований.

Во введении автор дал краткий обзор литературы по избранной теме. Должно признать, что этот раздел мог бы быть несколько обширнее как по перечню привлеченных авторов, так и по большей обстоятельности разбора их воззрений. Впрочем, необъятное объять невозможно. Диссертант выбрал основных, наиболее авторитетных, мыслителей, что дало возможность представить целый спектр восприятия религиозных заблуждений Толстого на протяжении столетнего периода вплоть до наших дней.

Далее о. Андрей дал краткое обобщающее изложение церковной православной христологии. Эта глава является не самостоятельным исследованием, но лишь компилятивным обобщением основных догматических положений церковного учения о Христе Спасителе. Названная компилятивность не является в данном случае недостатком: она необходима как важная основа для дальнейшего анализа собственно толстовских идей.

В следующей главе соискатель прослеживает истоки и формирование заблуждений Толстого, подчеркивая, что в основе всего лежит попытка Толстого рассудочно установить то, что рассудку во всей полноте не подлежит. Превознесение же рационального начала при всех попытках религиозных суждений определялось непомерной гордыней, которую не смог одолеть в себе гениальный писатель. Диссертант справедливо усматривает начало всех толстовских отступлений от истины в увлеченности Толстого учением Руссо, отвергавшего первородный грех как источник зла, царящего в земной жизни. Именно из этого вышли все дальнейшие антиправославные идеи Толстого, которые он развивал в своих основных «богословских» трудах.

Основная (и по объему, и по значению) глава диссертации посвящена систематическому изложению христологических заблуждений Толстого. Анализ этих заблуждений отличается достаточной полнотой, хотя и некоторой краткостью при освещении отдельных «догматических» положений толстовского вероучения. Данный анализ строится на постоянном сопоставлении идей Толстого со святоотеческой мыслью.

Краткие итоги исследования подведены в заключении.

Важным достоинством диссертации священника Андрея Безручко является подкрепленный убедительным анализом вывод: христологические воззрения Толстого далеки от православного вероучения. И этот вывод весьма злободневен для нашего времени.

Диссертация о. Андрея не является безупречной. Тема исследования пока не закрыта. Да и можно ли этого требовать от работы такого рода? Однако первый шаг сделан, и шаг в верном направлении. Диссертацию можно оценить как *хорошую* и признать автора достойным искомой степени кандидата богословия.

7.2. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Сектора заочного обучения священника Андрея БЕЗРУЧКО по кафедре Филологии на тему: «Христологические заблужде-

ния Л. Н. Толстого в сопоставлении с взглядами святых отцов Церкви»

Представленная работа посвящена сравнительному анализу христологических заблуждений известного русского писателя. При этом автор понимает термин «христология» не в узком смысле как учение о двух природах Господа и способе их соединения, но в более широком смысле как учение о Лице Богочеловека в тесной связи его с триадологией, сотериологией, учением о Церкви и ее Таинствах, а также с эсхатологией. Подобное понимание этого термина представляется нам вполне приемлемым, особенно в отношении богословских (точнее, псевдобогословских) воззрений Л. Н. Толстого. Должен сразу отметить, что, на мой взгляд, с поставленной задачей автор вполне справился: ему удалось ясно и четко показать всю несовместимость этих воззрений с православием. Работу характеризует достаточно хорошее знакомство с источниками и литературой; святоотеческое богословие здесь представлено хотя и в кратком, но вполне корректном изложении.

У меня есть всего два замечания. Первое относится к третьей главе, названной «Истоки и формирование христологических заблуждений Толстого». Здесь, касаясь истоков названных заблуждений, автор останавливается собственно только на одном: мировоззрении Руссо. Но затем, в ходе дальнейшего изложения, он указывает и другие источники ложных взглядов писателя: арианство, протестантизм и т. д. Мне представляется, что псевдобогословие Л. Н. Толстого было весьма «лоскутным». Например, на с. 44 констатируется: «После того как Толстой осознал себя учителем новой веры, он полностью отбросил Ветхий Завет как памятник отжившей, чисто национальной религии, и сосредоточился только на Новом Завете». В данном случае явно напрашивается сравнение с известным ересиархом II в. Маркионом, которого, кстати сказать, весьма «уважают» протестанты как одного из предшественников новой Реформации. Поэтому, как представляется, в разделе «Истоки заблуждений Толстого» следовало бы систематизировать полиморфность данных заблуждений. Второе замечание относится

к с. 70, где мимоходом упоминается, что православная сотериология «полностью покоится на новохалкидонской христологии»: комментировать подобную некорректность я считаю излишним.

В целом же работа священника Андрея Безручко, на мой взгляд, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает искомую степень.

8.1. ОТЗЫВ профессора А. К. СВЕТОЗАРСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Владимира АМЕЛЬЧЕНКОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны»

В отзыве, представленном научным руководителем на предзащиту, уже отмечались положительные стороны диссертации: серьезная источниковая база, привлечение мемуарной литературы, данных статистики и периодической печати, объективный подход в оценке явлений церковной жизни этого непростого периода нашей истории.

Автор учел ряд замечаний, указанных в предварительной рецензии. «Снял» неаргументированные оценки деятельности смоленского городского духовенства в аспекте контактов с оккупационными властями, но одновременно, вероятно ввиду нехватки времени, отказался от подробной разработки по персоналиям в связи с этим очень важным вопросом.

Диссертант расширил обзор литературы, включив в него обзор работ общего характера таких современных исследователей, как О. Ю. Васильева, В. Н. Якунин, М. И. Одинцов. Правда, при упоминании кандидатской диссертации Якунина он ссылается на автореферат, а не на саму работу.

В обзоре литературы он также не дает оценок работам А. А. Корнилова (с. 9), Ф. Хейера и Х. Файерсайда (с. 12), ограничиваясь лишь самыми общими и поверхностными характеристиками.

Но полагаем, что последнее не имеет определяющего и сколь-нибудь существенного значения.

Работу следует оценить положительно, а ее автора — считать достойным искомой ученой степени.

8.2. ОТЗЫВ доцента В. Д. ЮДИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Владимира АМЕЛЬЧЕНКОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны»

Говорят, на одном докторском диспуте известный остро слов академик А. Н. Крылов начал оппонировать так: «Оппонент — от латинского *opponeo* (возражающий). В Древнем Риме так назывался человек, на обязанности которого было бежать у колесницы цезаря, возвращающегося с победой в Рим, и выкрикивать ему всяческие хулы и порицания, перечисляя всевозможные его недостатки, дабы он не возгордился. Так и я начну с недостатков...»

И мы последуем его примеру и начнем с недочетов.

В представленной работе нет единой мировоззренческой позиции автора. С одной стороны, очевидно его снисходительное отношение к коллаборационистам (например, к бургомистру Смоленска Меньшагину), а с другой — вместе с Архиерейским собором 1943 г. осуждает изменников веры и Отечества, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами (с. 134).

Диссонансом же звучит, с одной стороны, восторг автора по поводу оккупационной церковной жизни, когда иерархии и духовенству пришлось, мягко говоря, «контактировать» с нацистским режимом, а с другой — не менее воодушевленный рассказ о патриотической деятельности Смоленской епархии в 1944—1945 гг. по сбору средств на нужды Красной Армии.

Такую нечеткость гражданской и церковной позиции соискателя, на наш взгляд, можно объяснить некритическим усвоением «пораженческой», более того — коллаборационистской точки зрения, встречающейся в современной церковно-исторической литературе.

А идейная неразборчивость может быть объяснена непониманием и несоблюдением принципа историзма (хотя он и декларируется

в введении (с. 6)), который не допускает архаизации настоящего и модернизации прошлого. В условиях войны действовали и судили по законам военного времени, а не современного аморфно-пацифистского образа мыслей. Нам трудно согласиться с историком М. Шкаровским, писавшим: «Акт отлучения (Патриарха Сергия. — В. Ю.) пособников нацистов был направлен не против тех священнослужителей, которые, находясь на оккупированной территории, вынуждены были вступать в контакты с немецкими властями... Он касался духовенства, предавшего ближних или откровенно переходивших на сторону фашистов» (с. 135).

На наш взгляд, справедливо (канонично) поступил Святейший Патриарх Сергий с митрополитом Сергием (Воскресенским), поздравлявшим Гитлера с военными успехами, и украинскими епископами, сотрудничавшими с фашистами. Поэтому неудивительно бегство большинства смоленского духовенства во главе с архиепископом Стефаном. Те же, кто действительно занят был только пастырскими обязанностями, остались и, как указывает автор, не подверглись репрессиям НКВД.

На автора, наверно, повлияла современная публицистика и униональная акция последних времен.

Далее, путано и невнятно изложена концепция отношений немцев к РПЦ (с. 78—81), что объясняется, вероятно, неразборчивой компиляцией трудов Пospelовского и Шкаровского. Искривлено изложение мотива ухода из МДА в 1906 г. и. о. доцента иеромонаха Серафима (буд. Смоленского владыки довоенного периода): он, будто бы, полюбил Холмщину, «с ее оригинальным религиозно-национальным характером... и решил переехать сюда, чтобы помочь своему студенческому товарищу — архиепископу Иосифу (Петровых)» (с. 59). Такой сентиментальной пасторали противоречит суровая правда. Весной 1906 г. в МДА возникло «дело Серафима»: студенты потребовали удаления его, т. к. он был назначен в 1904 г. на должность доцента митрополитом Владимиром в обход Совета и действовавших правил Устава Академии и в течение полутора лет не прочел ни

одной лекции. Указом Синода от 30 марта 1906 г. он и инспектор архиепископ Иосиф переведены в Холмскую епархию (см.: Голубцов С. Московская духовная академия в революционную эпоху. М., 1999. С. 20—21).

Но мы были бы несправедливы, если бы сказали, что диссертация лишена определенного познавательного интереса. Кроме прочего, она расширяет круг знаний об известном ученом-слависте члене-корреспонденте АН СССР Д. И. Абрамовиче.

Диссертант сообщает о нем то, что не дает ПЭ (т. 1). Оказывается, маститый ученый входил во время войны в Смоленский епархиальный комитет по религиозно-нравственному просвещению: провел цикл разъяснительных бесед о Божественной литургии и преподавал церковнославянский язык на пастырских курсах летом 1943 г. в оккупированном Смоленске.

Интересно было узнать, что кафедральный собор в Смоленске после освобождения осмотрели бывший пензенский семинарист главный хирург Красной Армии Н. Н. Бурденко и учившийся в церковно-приходской школе маршал Г. К. Жуков.

К достоинствам диссертации относится и опора на богатый архивный массив, солидный историографический раздел, правильный литературный язык и прочее. Поэтому мы считаем работу достойной искомой степени.

9.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на дипломную работу выпускника Московской духовной академии иеромонаха ИУСТИНА (Еремича) по кафедре Богословия на тему: «Исихазм в сербском монашестве в XIV—XV веках»

Актуальность темы работы иеромонаха Иустина в доказательствах не нуждается. Исихазм — одно из главных направлений исследовательской работы в области патрологии, аскетики и церковной истории. В центре внимания ученых — византийский исихазм. Тема исихазма в славянских странах разработана меньше, хотя и в этой области были заметные достижения уже на грани

XIX и XX вв. Все же современной науке не хватает как углубленных исследований в этой области (например, о рецепции паламизма в России), так и общих, обзорных работ вроде данной дипломной работы.

В кратком введении (с. 1—2) автор говорит об общих задачах своего труда.

Глава 1 — «Общие сведения об исихазме» (с. 3—15). Автор начинает ее с исихастских споров XIV в., в которых традиционная православная духовность испытала нападения со стороны рационализма, представленного выходцем с Запада Варлаамом. Автор показывает, что исихазм — древняя традиция, о чем говорит даже сама терминология: едва ли не с самого начала истории монашества встречаются термины «исихия», «исихаст». Называя многих учителей подвижнической созерцательной жизни, автор особо останавливается на святых Симеоне Новом Богослове, Григории Синаите и Григории Паламе. Прп. Симеон непосредственно свидетельствовал о своем тайнозрительном опыте и этим послужил осмыслению Богообщения в богословии XIV в. Прп. Григорий Синаит оказал огромное влияние на вселенское православие, поскольку в его житии и учительстве сопрягаются самые разные страны — Синай, Палестина, Афон, славянские Балканы. Свт. Григорий Фессалоникийский богословски осмыслил опыт многих поколений исихастов и свой собственный и защитил его в напряженной полемике.

Глава 2 — «Исихазм в сербском монашестве» (с. 16—48). Эта большая глава имеет несколько разделов и подразделов.

2.1. «История развития исихазма в Сербии». В введении к этому разделу (с. 16—17) подчеркивается тесная связь сербского исихазма со Св. Афонской Горой.

Следует подраздел «Роль св. Саввы в распространении исихазма» (с. 17—19). Свт. Савва много лет подвизался на Афоне, до того как стал первым автокефальным архиепископом Сербским. Личность вселенского масштаба, он обогатил свой народ сокровищами православной духовности Византии и Востока.

Далее — подраздел «Св. Стефан Дечанский» (с. 19—20). Этот царственный подвижник был верным союзником св. Григория Паламы в исихастских спорах.

В подразделе «Роль Святой Горы и Хиландара в распространении исихазма» на с. 21—23 — краткий очерк связей Сербии с Афоном. Затем даны сведения о двух выдающихся сербских святоторцах — старце Силуане (с. 23) и старце Исаии Хиландарце (с. 23—25).

Раздел 2.2. «Влияние исихазма на искусство» (с. 26—39).

Подраздел 2.2.1. «Влияние исихазма на сербскую средневековую литературу». После вступительного общего очерка (с. 26—30) автор переходит к отдельным писателям. Диакон Владислав (с. 30—31) много переводил с греческого: жития, проповеди свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина. Особое место в его наследии принадлежит переводам из св. Григория Паламы и другим трудам, относящимся к исихастским спорам. Выдающимся литератором был митрополит Григорий Цамблак (с. 31—33). Его деятельность имела отношение не только к Сербии, но и к Болгарии и России. В своих агиографических творениях он утверждал и распространял исихастские идеалы. Исихастский характер имеет и деятельность монаха Рафаила (с. 33). В литературной деятельности Никона Иерусалимца (с. 36—38) подчеркивается евхаристический аспект исихазма. Всякий образованный русский знает имя трудившегося в России сербского подвижника и духовного писателя Пахомия Логофета (с. 38—39), составителя службы прп. Сергию и других выдающихся литургических и агиографических творений.

2.2.2. «Влияние исихазма на средневековую архитектуру» (с. 40—48). В данном подразделе даются сведения о целом ряде сербских монастырей, основанных в век исихазма.

Глава 3. «Св. кн. Лазарь и его связи с движением исихазма в Сербии. Синаиты» (с. 49—80). 1-й раздел посвящен кн. Лазарю. Этот святой государь добился канонической легитимации Сербской Патриархии со стороны Царьграда и прекращения схизмы, содей-

ствовал укреплению духовных уз, связующих Сербию с православным Востоком — Синаем и Палестиной, основывал новые обители и совершил бессмертный мученический подвиг в битве на Косовом поле.

Раздел 3.2. «Синаиты» (с. 60—76). Здесь рассказывается о целом ряде подвижников, в подвиге которых так или иначе Сербия сопрягается с христианским Востоком, прежде всего — с Синаем.

Раздел 3.3. «Исихазм в Далмации» (с. 77—80). Специфика истории Далмации в том, что здесь православие временами мирно соседствовало, а временами и антагонически сталкивалось с католичеством.

Итоги работы подводятся в заключении (с. 81—82).

С. 83—85 — «Источники и литература». Библиографический список состоит из 42 позиций.

В работе собран большой, многообразный материал, который преподнесен с впечатляющей убедительностью. К сожалению, в некоторых местах изложение становится достаточно поверхностным, но это объясняется обзорным характером работы, имеющей заданный ограниченный объем. Русский язык работы практически безупречен. Работа должна быть оценена как хорошая.

10.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на дипломную работу выпускника Московской духовной академии Неделько ВАСИЛЕВИЧА по кафедре Церковной истории на тему: «Положение Сербской Православной Церкви в Независимом Государстве Хорватия в 1941—1945 гг.»

Тема рецензируемой дипломной работы — одна из самых злободневных тем истории и политики. На Западе существует целая мифология Второй Мировой войны, где доминирует тема еврейского «холокоста». Господствующее положение «холокоста» в западной пропаганде имеет своей очень важной составной частью замалчивание других преступлений Гитлера и его союзников или, что почти то же самое, грубое искажение пропорций. Подобно тому как существует запрет на «ревизию» «холокоста», существует и не-

гласный запрет на такую тему, как геноцид православных сербов в усташском Независимом Государстве Хорватия. Эта тема была под запретом по требованию коммуниста и хорвата Тито, эта тема остается под запретом и донныне, поскольку современная Хорватия, верная заветам усташей, — вернейший клевет на Америку и НАТО, и даже Католическая церковь, которая декларирует готовность восстановить историческую справедливость в отношении всех бывших жертв папизма — от православных до протестантов и от евреев до арабов, фактически одобрила усташей, беатифицировав Алоизия Степинца, примаса Католической церкви в Хорватии, в годы войны замешанного в злодеяниях.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и иллюстративного приложения.

Во введении говорится о значении темы работы в контексте современной мировой ситуации.

Глава 1-я посвящена описанию геноцида сербского народа в Хорватии в целом и разделена на три части. В первой описываются взаимоотношения хорватов и сербов в двадцатилетие между мировыми войнами. Террористическая партия усташей под покровительством Муссолини ведет подрывную деятельность против Югославского королевства, организует в 1934 г. убийство короля Александра. Сразу после нападения Гитлера на Югославию в апреле 1941 г. немцы объявляют о создании Независимого Государства Хорватия в составе Хорватии и Боснии-Герцеговины. Главой Хорватии становится Павелич, вождь партии усташей. Ведущие посты занимают члены партии. Хорватия становится союзницей Гитлера и Муссолини, в то время как другие земли Югославии оккупируют немцы и их союзники — итальянцы, болгары, венгры. Павеличу активнейше помогала Католическая Церковь, которая еще в предвоенные годы стала гнездом не только политического сепаратизма, но и терроризма. Начинается немилосердная война против православных сербов на территории Хорватии, самая громкая часть которой — насильственное обращение сербов в католичество. Теоретически это обосновывалось тем, что сербы — потомки католиков, обращенных в православие.

Но эта война имела и гораздо более страшные стороны. Во второй части 1-й главы рассказывается о систематическом уничтожении сербов в Хорватии. Министр культуры Хорватии в речи, произнесенной 6 июня 1941 г., выразил планы хорватов в четкой формуле: «Одну треть сербов — уничтожить, другую — выслать, последнюю — обратить в католиков и хорватов». Эта программа осуществлялась совершенно безжалостно. В многочисленных актах геноцида не брезговали участвовать католические клирики.

Третья часть 1-й главы посвящена концентрационным лагерям — месту массового истребления сербов. Крупнейшим лагерем был Ясеновац. Точнее говоря, это был целый комплекс лагерей, расположенный в районе одноименного города. Кроме Ясеновца действовали еще семь лагерей уничтожения. Кроме того, существовали особые лагеря для сербских детей. В 1952 г. еврейский союз Югославии объявил, что по его подсчетам в одном только Ясеновце было уничтожено от 500 000 до 600 000 человек, из которых 20 000 были евреи, а все остальные — сербы.

Глава 2-я посвящена судьбе православного духовенства и Православной Церкви как канонической структуры. Православные епархии НГХ дали множество священномучеников. По некоторым подсчетам, до 500 православных клириков были истреблены хорватами. Многие клирики разделили участь тех сотен тысяч сербов, которые были вынуждены оставить территорию Хорватии, где их предки жили веками. По некоторым данным, были высланы или бежали из НГХ до 600 духовных лиц.

Во второй части 2-й главы рассказывается об ограблении и разрушении более тысячи православных церквей в НГХ.

В третьей части 2-й главы рассказывается о попытке хорватов полностью уничтожить каноническую структуру Сербской Православной Церкви на своей территории путем создания марионеточной «Автокефальной Хорватской Православной Церкви».

В работе собран весьма значительный исторический материал, свидетельствующий о великих страданиях сербского народа в годы

Второй Мировой войны и о беспримерных жестокостях движимых сатанинской злобой врагов святого православия.

Работа может быть оценена как отличная.

11.1. ОТЗЫВ преподавателя иерея Георгия КЛИМОВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии инока КОНСТАНТИНА (Юдина) по кафедре Библистики на тему: «Экзегезис Евангелия от Иоанна в гомилическом наследии святителя Филарета, митрополита Московского»

Работа инока Константина (Юдина) посвящена исследованию гомилического наследия виднейшего русского богослова-библеиста XIX в. святителя Филарета, митрополита Московского. Среди множества трудов и работ, посвященных изучению богословского наследия святителя, отсутствуют исследования, непосредственно касающиеся его экзегетики. Задача, которую поставил перед собой автор данной дипломной работы, осознавая, с одной стороны, необъятность имеющегося материала, а с другой — «скромные силы» (с. 7), заключалась в том, чтобы «изучить и систематизировать» (с. 6) по всему гомилическому наследию свт. Филарета все то, что связано с экзегезисом Евангелия от Иоанна. С этой задачей, на мой взгляд, автор справился очень успешно. Он правильно определил принципы экзегетического подхода святителя, показал преемство святоотеческой традиции, привел на последовательно рассматриваемые евангельские стихи по всему Евангелию от Иоанна соответствующие толкования, заключительную часть работы снабдил обобщающими выводами, предельно ясно выражающими результаты исследования. Представляет ценность и приложение к работе «Указатель ссылок толкований Ин. в «Словах и речах»»: благодаря ему можно легко найти толкование свт. Филарета на интересующее место Евангелия от Иоанна. Положительным моментом в основной части работы является выявление автором главной мысли приводимого толкования на соответствующие слова Евангелия и вынесение их в виде заголовка к этому отрывку.

Следует отметить научный и самостоятельный характер исследования. Вступительная и заключительная части работы написаны в духе благоговейного почтения к святому. Чувствуется, что автор хорошо изучил исследуемые труды свт. Филарета. Основные части работы находятся во внутренней связи между собою. Каждая глава работы снабжена соответствующими выводами. В работе задействовано 17 печатных исследований: это работы русских богословов и библеистов XIX—XX вв., прямо или косвенно посвященные творчеству московского святителя (все на русском языке). Работа оформлена грамотно и продуманно.

Замечание, о котором хотелось бы сказать, следующее. На мой взгляд, автору следовало бы ввести в работу больше «критического элемента» путем сравнения с другими толкователями Евангелия от Иоанна: это только бы оттенило незаурядность и глубину жизни в Священном Предании Церкви свт. Филарета, ничуть не поколебав правильности его толкований. В работе, кроме того, встречаются орфографические и пунктуационные ошибки и описки.

Безусловно, все это не умаляет значения работы инока Константина. Считаю, что она заслуживает положительной оценки.

11.2. ОТЗЫВ преподавателя иерея Александра ТИМОФЕЕВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии инока КОНСТАНТИНА (Юдина) по кафедре Библистики на тему: «Экзегезис Евангелия от Иоанна в гомилическом наследии святителя Филарета, митрополита Московского»

Представленная на 88-ми страницах работа состоит из вступления, двух глав основного текста и заключения, в котором обобщены результаты исследования, библиографии из 17-ти наименований и приложения с указателем ссылок толкований Евангелия от Иоанна в словах и речах свт. Филарета.

Актуальность выбранной темы очевидна: наследие святителя Филарета недостаточно оценено и изучено. В частности, ПЭ еще только работает над научным изданием трудов святителя Филарета.

О. Георгий Флоровский отмечает в «Путиях русского богословия»: «Как богослов и учитель Филарет был прежде всего библейстом». Библейские труды святителя Филарета в ранний период его деятельности на посту преподавателя, затем ректора Академии, в первую очередь учебники, еще несут следы западного влияния. Это и понятно, при отсутствии настоящей школы необходимо было с чего-то начинать и срочно предоставлять студентам какой-то курс. Однако он настойчиво рекомендовал (см., например, «Обозрение богословских наук») для обучения студентов методам толкования Писания пользоваться творениями отцов и учителей Церкви — свт. Иоанна Златоуста, блж. Феодорита и др. В наибольшей степени творческий и святоотеческий дух библейских исследований святителя Филарета выразился в его проповедях. Отражая зрелое и целостное созерцание святителя, его проповеди являются бесценным сокровищем Предания. По слову прот. Георгия Флоровского, «на Священное Писание он не только ссылается в доказательство, в подтверждение или опровержение, — он исходит из священных текстов».

Работа, представленная на рассмотрение, посвящена как раз важнейшей теме богословского наследия святителя — толкованию Евангелия от Иоанна. Из более чем 500 гомилий святителя 20 надписаны словами четвертого Евангелия. Они исследованы в работе полностью. Из прочих взяты для рассмотрения отрывки, касающиеся истолкования того или иного стиха.

Автор работы достаточно последовательно и систематично рассматривает различные аспекты толкования Евангелия от Иоанна, располагая их в порядке евангельского повествования.

К сожалению, надо отметить, что патристический аспект библейской экзегезы святителя Филарета изучен в работе недостаточно тщательно. Во введении (с. 10—11) автор указывает на святоотеческие основы его библейского богословия. Отмечено использование творений святителей Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, преподобных Макария Великого и Максима Исповедника. В тексте работы периодически встре-

чаются указания на близкие к мысли святителя высказывания святых отцов Церкви. Так, например, в истолковании проповеди Спасителя о равенстве Сына Отцу (Ин. 5) указывается святоотеческий источник мысли святителя Филарета — «Духовные беседы» прп. Макария Великого (с. 34). Также в некоторых случаях указаны параллели с творениями святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Однако от систематического сравнительного анализа автор уклонился. Не находим мы ссылок на святоотеческие творения и в списке литературы.

Не рассмотрены принципы применения святителем святоотеческих методов экзегезы. В тексте работы встречается только общее высказывание: «Подход святителя Филарета к истолкованию Священного Писания заметно определяется влиянием святителя Григория Богослова, во многом — свт. Иоанна Златоуста: подобно им он избегает абстрактного аллегоризма, буквально-историческое толкование всегда органично сопряжено с типологическим, часто используется свойственная Ин. аналогия, возведение мысли к созерцанию единой Святой Истины, Господа Иисуса в Его словах, деяниях, откровениях» (с. 80).

Указанные недостатки снижают ценность работы. Однако в целом работа автора может быть оценена положительно и признана заслуживающей отличной оценки.

12.1. ОТЗЫВ доцента иерея Владимира ШМАЛИЯ на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Сергея ФУФАЕВА по кафедре Богословия на тему: «Понятие личность и ипостась в трудах В. Н. Лосского»

Избранная автором тема весьма важна и актуальна как с точки зрения собственно богословской мысли, так и с точки зрения миссии Церкви. То видение человеческой личности, которое отстаивалось Лосским, будучи вполне святоотеческим по духу, укорененным в церковном вероучении, обладает огромным миссионерским потенциалом. В секуляризованном мире, декларирующем свободу лич-

ности, люди на деле оказываются рабами своей природной обусловленности, все более отчужденными и отделенными друг от друга. В обществе противостоят друг другу как альтернативы тоталитаризм и индивидуализм.

Православное же учение о личности являет миру свидетельство о подлинной свободе и идеале межличностных отношений, устрояемых по образу Пресвятой Троицы.

Текст дипломной работы состоит из введения, трех разделов, заключения и библиографии.

Во введении автор формулирует предмет, обосновывает актуальность работы, определяет цели и задачи, а также «методологические принципы».

Автор так формулирует цели своего исследования: «Первое — показать, что у Владимира Николаевича Лосского вполне православное понимание “личности”; второе — дать определение понятиям “личность” и “ипостась”; третье — показать, что “личность” и “ипостась” являются по отношению друг к другу богословскими синонимами».

Основная часть работы структурирована следующим образом: триадология — христология — антропология.

В разделе «Триадология» автор рассматривает историю становления троичной терминологии, а также анализ и интерпретацию этого становления, данные В. Н. Лосским. Особое внимание уделяется содержанию понятия «ипостась» у каппадокийцев в интерпретации В. Н. Лосского. Ипостась может обозначать а) «ктойность», личность, несводимость к природе, б) конкретно данную природу (индивид), в) общую для индивидов природу.

В разделе «Христология» та же процедура применяется в описании истории христологических споров. Использование в контексте формулировки христологического догмата понятия «ипостась» явным образом побуждает давать ей персоналистические интерпретации.

В разделе «Антропология» показывается, что в интерпретации В. Н. Лосского суть человеческого бытия — в его сотворенности

по образу и подобию Божию, то есть в личностном бытии человека, в его способности не определяться своей тварной природой, способности к обожению, способности к общению с Другим.

В заключении автор резюмирует полученные выводы.

Работа С. Фуфаева производит весьма положительное впечатление своей продуманностью, основательностью, логичностью и ясностью изложения, обоснованностью выводов.

Работа заслуживает отличной оценки.

12.2. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ЗАДОРНОВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Сергея ФУФАЕВА по кафедре Богословия на тему: «Понятие личность и ипостась в трудах В. Н. Лосского»

В представленной работе имеется ряд стилистических и синтаксических ошибок. Так, уже в названии работы «Понятие личность и ипостась в трудах В. Н. Лосского» слова «личность» и «ипостась» явно должны быть закавычены, а слово «понятие» поставлено во множественном числе. Не совсем понятны словосочетание «книги профессора Владимира Николаевича» (с. 3) и уведомление о том, что «в настоящем исследовании все библиографические отсылки будут даны в подстрочнике. Список литературы, представленный в конце работы, будет составлен в алфавитном порядке» (с. 4).

Сформулированная автором цель работы без дополнительных разъяснений выглядит несколько загадочно: «Целью настоящего исследования является: первое — показать, что у Владимира Николаевича Лосского вполне православное понимание «личности»; второе — дать определение понятиям «личность», «ипостась»; третье — показать, что «личность» и «ипостась» являются по отношению друг к другу богословскими синонимами» (с. 3). Проявить «вполне православное понимание» необходимо по умолчанию тем, для кого такая православность сомнительна. Однако ни о какой полемике в авторском тексте речи нет. Смотрим последние страницы: «Главной целью настоящей работы было показать, что у Владимира

Николаевича Лосского вполне православное понимание “личности”, то есть всецело обоснованное православным учением о Боге-Троице, православным учением о воплощении Бога-Слова, а также православной антропологией» (с. 55). Так кто же сомневался во «вполне православном понимании» святоотеческой терминологии у Лосского? Остается предположить склонность автора к энтимемам и его уверенность в том, что читающий его текст уже знаком с восприятием учения Лосского о личности, контекстом «асимметричной христологии» и прочими вопросами этого круга.

Следующее замечание относится не столько к самой работе, сколько к общим для подобной тематики схемам. Следуя обычному изложению соотношения христианского креационизма и других «картин мира», автор пишет: «Мир был сотворен Богом из ничего (ex nihilo). Это наше христианское утверждение в корне сокрушило два противоположных друг другу античных представления о мире: пантеизм и дуализм. С одной стороны, христианство утверждает, что мир (космос) не есть эманация Божественной Сущности, то есть ни какая-либо часть Божества, ни Само Божество, а с другой стороны, утверждает, что материя (субстрат мира) не совечна Богу и что материя не есть злое начало в мироздании. Мир не самобытен, у него нет никакой “самости”» (с. 47). К сожалению, данная схема ничего не объясняет, пантеизм и дуализм никак нельзя в античном контексте назвать «двумя противоположными друг другу представлениями о мире». В этой схеме платонизм постоянно относится к дуализму (см. цитирующийся в работе труд: *Алиппий (Кастальский-Бороздин), Исая (Белов), архимандриты. Догматическое богословие. ТСЛ, 2000*), что, конечно, совершенно неверно. Античный космос принципиально не знает дуализма, это мир постоянной диффузии, перетекания эйдетических сущностей (ср. орфическую космогонию). Более плодотворной в этом отношении представляется схема креационизм/манифестационизм, использованная, кстати, и самим Лосским.

Также недостаточно раскрыты две перспективные темы работы, относящиеся к т. н. диалогизму (с. 52) и семиотическому контексту

понимания термина «ипостась». О последнем автор пишет: «Итак, “Ипостась” — знак (символ), указывающий на несводимую к Своей природе уникальную Личность (“Я”). Цель термина “Ипостась” обозначить Личность. Таким образом, “Личность” и “Ипостась” — богословские синонимы» (с. 56). При последовательном освещении этой действительно интересной темы автору удалось бы избежать на протяжении трех предложений смешения таких разнородных терминов как символ, знак и их синонимичность.

В целом работа может быть оценена на «хорошо».

13.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Максима КОЗЛОВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Максима СОРОКИНА по кафедре Богословия на тему: «Полемические антилатинские трактаты XI в.»

Дипломная работа М. Сорокина состоит из введения (с. 3), трех глав основного содержания (с. 12—56) и заключения (с. 57—59). В диссертации имеется аппарат ссылок и библиография (58 наименований на русском, немецком и латинском языках).

Сразу следует указать, что диплом посвящен проблеме, уже достаточно освещенной в отечественной православной литературе, так что является в немалой степени компилятивным. Диплом является попыткой дать краткую характеристику исторической эпохе, в которую были написаны трактаты, сообщить необходимые сведения о личностях авторов сочинений, указать время и повод их написания и исследовать содержание трактатов с рассмотрением приводимой авторами аргументации.

Наиболее подробно М. Сорокин рассматривает действительно ключевой в полемике XI в. вопрос об опресноках, на основе приводимых источников излагает латинское воззрение на Евхаристический хлеб в сопоставлении с православным взглядом на тот же предмет, указывает на совокупность причин религиозного, исторического, культурного характера, которые определили формирование латинского учения в том виде, как мы его ныне знаем. Автору диплома удалось в целом сочетать элементы логического, исторического и

богословского подходов, успешно осуществить попытку обобщенной характеристики антилатинской полемики с опорой на первоисточники и с привлечением актуальной богословской литературы по теме.

Может быть, самой важной позитивной стороной диплома является обращение не только к готовым полемическим выводам православных богословов и историков, но и к рассмотрению первоисточников.

В итоге своей работы М. Сорокин приходит к выводу: «...для своего времени эти [антилатинские] трактаты были весьма актуальны и отвечали запросам общества. Современному же читателю их содержание представляется малоинтересным и кажется, что оно могло бы быть другим, более отвечающим важности происходящих событий». Такой вывод, конечно, достаточно робок и несамостоятелен, однако будучи подкреплен ходом всей работы, он сохраняет свою самостоятельную ценность.

Теоретическое и практическое значение дипломной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы другими авторами и на стадии предварительного ознакомления с рассматриваемыми текстами.

Если говорить о замечаниях к работе, то главным замечанием общего характера является, видимо, чрезмерная зависимость автора от используемой литературы, будь то цитируемый полемист или современный исследователь.

Что касается замечаний частного характера, то список используемых авторов следовало бы дополнить именами прот. Иоанна Мейендорфа, Йозефа Лортца, Хуго Л. Гонсалеса.

Вышеуказанные замечания не могут являться формальным препятствием для позитивной оценки работы, автор подтвердил свою квалификацию выпускника пятилетней Семинарии, оценка «хорошо».

13.2. ОТЗЫВ доцента П. К. ГРЕЗИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Максима

СОРОКИНА по кафедре Богословия на тему: «Полемические антилатинские трактаты XI в.»

Дипломная работа выпускника Московской духовной семинарии Максима Сорокина написана на тему «Полемические антилатинские трактаты XI в.»

Работа состоит из введения, трех глав основной части, заключения и списка использованных источников и литературы. Общий объем текста диплома составляет 64 страницы. Список использованных источников и литературы включает 58 наименований, из них 10 наименований на немецком языке и одно — на латинском.

Решая поставленные задачи, автор разбил сочинение на 3 главы. В первой — краткий очерк истории разделения Церквей, во второй говорится о четырех полемистах XI в. и дается краткая характеристика их трудов, в третьей главе идет речь о восьми пунктах антилатинской полемики. Некоторые синтаксические неувязки и редкие грамматические ошибки (с. 4), отсутствие запятых (с. 58) не портят впечатление от в целом правильно и грамотно оформленной работы. Заметна некая зависимость автора от светских исследователей: так, окружное послание восточного патриарха автор почему-то называет энцикликой (последним словом принято обозначать папские послания).

Многokrатно М. Сорокин утверждает, что антилатинские полемисты вместо решения существенных вопросов занимались проблемами второстепенными, если не пустыми: «В XI в. содержание полемики, главным образом, было сосредоточено на второстепенных вопросах» (с. 37), на незначительных обрядовых различиях (с. 36); «очевидно увлечение полемистов второстепенными вопросами», «так получилось, что по большому счету спорили стороны о проблемах и вопросах незначительного характера, как принято теперь говорить, о мелочах. И именно эти “мелочи” стали камнем преткновения для единства христианского мира. Все выглядело так, что раскол, являясь плодом спора о власти в Церкви, сопровождался при этом полемикой вокруг второстепенных вопросов» (с. 57); единственный главный вопрос — «примат папы» — не затраги-

вался; православные доказывают правоту своей практики вплоть до обрядовых и дисциплинарных мелочей (с. 57).

Какие же это второстепенные вопросы, по мысли М. Сорокина?

1. Прежде всего, участие западных епископов в военных сражениях (участие в сече — с руками по локоть в крови, как рассказывает «Песнь о Роланде»). Участие западных епископов в военных сражениях — обвинение «незначительное», говорит автор диплома (с. 36). Нам же представляется, что это обвинение, напротив, есть симптом тяжкого духовного недуга.

Речь также идет об отступлении от апостольского предания — аргумент первостепенной важности как в «Окружном послании» 867 г. патриарха Фотия, так и в древнерусской письменности XI в.: «И первое убо их неправедне в субботний пост преложиша, весть же и малое преданий отменение и во все учении презрение възвигнути», «отсюду путь преступлений им разширяюще, и от правыя стези [и] царския отвращающе» (Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 9). Происходит не только отступление от предания, но и подмена духовной жизни, обусловленные, несомненно, церковной реформой Карла Великого.

Но и остальные вопросы (литургическая практика — с. 46, пост в субботу — с. 49, целибат духовенства — с. 51 и др.) не лишены значения, если судить о них с точки зрения церковно-исторической, канонической и духовной, с точки зрения верности апостольскому преданию. В этом плане тезис М. Сорокина об «обрядовых мелочах» не выдерживает критики.

2. Опресноки.

Спор о Евхаристических Дарах — можно ли сравнивать с обрядовыми мелочами? Но вот автор дипломной работы считает иначе: «Вопрос об опресноках, поставленный через Льва Охридского Михаилом Керуларием, явился отправной точкой спора и направил ход полемики в область второстепенных вопросов» (с. 58).

Действительно, упорство латинян в вопросе о Евхаристии очень скоро, уже в XII в., приводит их к лишению младенцев Причастия

и практике приобщения мирян под одним видом, к замене Агнца облатками и к литургическому упадку в нынешнюю эпоху. В этой исторической перспективе полемика православных носила первостепенный и принципиальный характер и имела, безусловно, церковно-историческое значение.

Однако стремясь показать, насколько была пустой антилатинская полемика, М. Сорокин добавляет еще один новый аргумент: «до настоящего времени в науке нет единого общепринятого положения» относительно «времени и факта совершения Христом пасхальной вечери» (с. 39); «как по вопросу о времени совершения вечери Христом, так и относительно хлеба, который употребил Спаситель для совершения Таинства, на сегодняшний день в науке нет единого мнения» (с. 40). Спрашивается, в какой и чьей науке? И каково отношение М. Сорокина к мнению святых отцов по данному вопросу?

Однако далее сам материал по полемическим сочинениям, представленный М. Сорокиным, убеждает, насколько важен был этот вопрос; с. 41—44 принадлежат, несомненно, к лучшим страницам дипломной работы.

3. Филиокве.

На с. 53 дипломной работы разбирается вопрос о Филиокве. Не вполне ясно из текста работы, второстепенный это вопрос или нет, поскольку М. Сорокин собирался рассматривать вопросы лишь второстепенные. Если он обсуждался в период разделения Церквей, то, по логике автора дипломной работы, он второстепенный. Но материалы, приводимые М. Сорокиным (на с. 53), убеждают, что для полемистов указанной эпохи эта тема имела первостепенное значение.

4. Примат папы.

На с. 54—56 речь идет о примате папы. Стараясь доказать, что византийские полемисты были всецело сосредоточены на пустых, второстепенных вопросах, Сорокин сообщает, что первое письмо папы Льва IX Михаилу Керуларии «осталось неизвестно в Византии» (с. 54). При этом он обходит вниманием мнение Н. А. Скаблановича (Разделение Церквей при патриархе

Михаиле Керуларии // ХЧ. 1885. Т. I. С. 112) и А. П. Лебедева о том, что папа Лев IX действительно направил послание патр. Михаилу Керуларию (Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. М., 1900. С. 325). Послание папы было настолько претенциозно, что, собственно, и обсуждать было нечего, когда восточным патриархам было достаточно с ним познакомиться. Но, оказывается, со стороны восточных отклики были, была дискуссия о власти в Церкви и о примате папы — в рамках общей дискуссии о пентархии в Церкви, как и сам автор дипломной работы говорит, противореча тому, что он высказал на с. 37 и 54: «Что касается первостепенного вопроса, доньше разделяющего две части христианского мира, — примата папы, то в это время эта проблема не поднималась в антилатинских трактатах» (с. 37); «явных указаний на борьбу с притязаниями римского престола в сочинениях мы не находим» (с. 54).

Спрашивается, почему и с какой целью М. Сорокин предпочел мнение поздних исследователей о том, что послание папы не дошло до адресата и не было известно в Византии?

Выводы, сделанные автором в заключении, вряд ли подтверждаются тем материалом, который изложен в самой работе. Заключение удивляет. Что это: немота или показной индифферентизм? Думается, здесь сказалась зависимость автора дипломной работы от светской литературы и ее некритическое восприятие, равно как и поверхностное порой отношение к трудам православных богословов.

Однако в дипломной работе есть и положительные стороны: правильно оформлено введение (отмечен предмет исследования и его актуальность, выделены хронологические рамки исследования, обозначена источниковая база исследования и степень изученности темы). Сама работа отличается стройной композицией, последовательностью изложения, живым способом подачи материала, правильно оформленным научным аппаратом.

Таким образом, отмеченные недостатки искупаются внешними и содержательными достоинствами. Сочинение М. Сорокина удо-

влетворяет требованиям, предъявляемым к работам такого рода, и заслуживает положительной оценки.

14.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Павла ВЕЛИКАНОВА на дипломную работу выпускника экстерната Московской духовной семинарии архимандрита РОМАНА (Гаврилова) по кафедре Богословия на тему: «Критический анализ мировоззренческой стороны трудов академика М. С. Норбекова»

Представленная к защите дипломная работа архим. Романа (Гаврилова) является на сегодняшний день первым и пока единственным критическим исследованием трудов лже-академика М. С. Норбекова. Актуальность работы обусловлена особым местом, которое занимают книги Норбекова на книжных прилавках магазинов: если не заглядывать под обложку книги, то по вопросам маркетинга и сбыта Норбеков вполне может заслужить звание академика торговли и PR-а. Однако, как хорошо показал автор дипломной работы, под глянцевой и сознательно шокирующей обложкой скрывается отнюдь не очередной детектив или душераздирающая мыльная опера, но целое парарелигиозное и антихристианское по сути учение, крайне опасное по своим последствиям.

Дипломная работа состоит из 59 страниц печатного текста, в библиографическом списке указано 15 источников и 28 наименований использованной литературы.

Первая глава знакомит читателя с личностью М. С. Норбекова; вторая глава раскрывает основные положения его системы оздоровления; в третьей главе анализируются его философские и религиозные взгляды; четвертая глава посвящена «Тайной Школе» — некой «высшей инстанции», из которой черпает неутомимый писатель свои познания и «силу». В заключении автор делает единственно правильный вывод, что система Норбекова — не более чем очередная попытка широкой пропаганды теософских идей под прикрытием новой и, как всегда, «гарантированной» по результату и «профессионально коммерчески упакованной» оздоровительной системы. Автор хорошо владеет литературным языком, его мысли

просты, доступны для понимания даже неискушенному в богословии и философии читателю. Работа написана последовательно, видна четкая логичная структура, подчиненная главной цели исследования, которая полностью соответствует теме дипломной работы. Автор дает читателю почувствовать стиль речи и жанр произведения М. С. Норбекова, чтобы избежать голословной критики; в то же самое время автора трудно упрекнуть в злоупотреблении иностранными цитатами.

Недостатки, к числу которых следует отнести неопределенность понятия «мир» в разделе 3.2, узость в рассмотрении вопроса интуиции и тварных энергий, а также некоторую робость в богословских оценках, лишь несколько снижают общее положительное впечатление от проделанной работы. В целом работа вполне соответствует требованиям к дипломной работе выпускника МДС как по своему содержанию и православной оценке, так и по формальным признакам. На наш взгляд, дипломная работа архим. Романа (Гаврилова) может быть оценена как отличная с минусом.

14.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ЛЕОНТИЯ (Козлова) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии архимандрита РОМАНА (Гаврилова) по кафедре Богословия на тему: «Критический анализ мировоззренческой стороны трудов академика М. С. Норбекова»

Настоящая дипломная работа посвящена исследованию личности и учения ставшего в последние годы весьма популярным в России и за рубежом целителя и основателя своей оздоровительной методики «академика» М. С. Норбекова. Пользуясь широким спектром преступных средств внушения, начиная от научнообразной терминологии и лживых обещаний и заканчивая развитием в своих клиентах гордыни и неверия, он не только паразитирует на широких слоях не познавших еще Бога наших сограждан, но подчас привлекает в свои сети даже наивных верующих. Поэтому публикация авторитетного церковного опровержения его учения была бы в настоящее время весьма уместна и даже необходима. Именно эту задачу поставил

перед собой и, на мой взгляд, удачно выполнил автор данной работы.

Дипломная работа соответствует требованиям по объему (59 с.) и имеет четкую структуру. Она состоит из введения, четырех глав с подпунктами, заключения и библиографии. Во введении дано убедительное обоснование актуальности темы, обзор литературы, т. е. книг самого Норбекова, и краткое содержание работы. В первой главе рассматривается личность Норбекова и вопрос подлинности его автобиографических сведений, где читатель убеждается по меньшей мере в сомнительности приписываемых Норбековым самому себе наименований ученого и суфия. Вторая глава посвящена его оздоровительной системе, в частности методам глазной гимнастики, которые он скопировал у Бейтса, и гипноза, являющегося насильем над человеческой личностью. В третьей главе проводится анализ мировоззрения Норбекова, его отношения к Богу, миру и человеку и проводится их сопоставление с философией, наукой и православным святоотеческим учением. Последняя, четвертая, глава представляет собой исследование «Тайной Школы» и наставников, на которых постоянно ссылается Норбеков. Создается впечатление, что под этим он понимает все теософское эзотерическое учение о тайном знании и о великих посвященных, родственное древнему гностицизму. Хотя сам он, несомненно, учился у конкретных носителей духовной сущности этого учения, обладавших определенными оккультными способностями. В конце главы сопоставляются норбековское, точнее оккультное, и православное отношение к чудесам. Наконец, в заключении делается ряд убедительных выводов в отношении личности и системы Норбекова, указывающих на его «актерство и жульничество», а также антихристианскую направленность его доктрины. Его учение справедливо рассматривается в рамках движения «Нью Эйдж» и оценивается как разрушительное для личности и общества, а для православных абсолютно неприемлемое.

Впрочем, в данной работе можно найти и некоторые недостатки в ходе рассуждения. Например, уделяя особое внимание вопросу

об интуиции (по сути, ей посвящен весь подпункт 3.2, с. 29—35), автор не совсем четко показывает и аргументирует православную позицию. У Норбекова интуиция предстает как «некое качество, похожее на ясновидение и предсказание», а у современных канадских психологов — как результат некоего скрытого мыслительного процесса. Автор, принимая сторону последних, т. е. соглашаясь, что интуиция опирается на знание, зафиксированное ранее мозгом, забывает об опыте обладания даром прозорливости в православии. Например, греческий старец Порфирий называл своим ученикам страницу и строчки, где у отцов написано о каком-либо предмете, а потом сам с удовольствием впервые слушал это место. Интуицию можно рассматривать и как непосредственное получение информации извне, и в таком случае вопрос заключается лишь в источнике этого знания. Или, в другом месте (с. 36—41), понятие Норбекова о человеке можно свести к восточному учению о тонких телах и энергетических полях человека, а пространная ответная цитата из Иоанна Дамаскина о сущности человека в православном понимании, дающая не самоочевидные ответы по многим аспектам полемики, сопровождается в конце лишь одним частным выводом автора о способе получения энергии извне. Налицо необходимость более обстоятельного богословского анализа автора или сужения темы до уровня энергий. На с. 38 не пояснено, что такое «образная дыхательная гимнастика», из-за чего ускользает суть учения Норбекова. Впрочем, понятно, что в подобном наукообразном эклектическом нагромождении терминов и методик довольно сложно выявить четкую логическую систему.

Есть также и немногочисленные синтаксические ошибки и некорректные выражения, но все эти мелкие недочеты никак не могут понизить значимости данной работы. Она написана в выдержанном и спокойном литературном стиле, не содержит эмоциональности и голословных обвинений и легко читается. Считаю, что данная дипломная работа вполне заслуживает оценки «отлично» и после незначительной правки может быть опубликована с пользой для православного читателя.

15.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Павла ВЕЛИКАНОВА на дипломную работу выпускника экстерната Московской духовной семинарии Сергея ГАВРИША по кафедре Богословия на тему: «Новое видение соотношения религии и науки в XX в. (по книге Й. Барбура “Религия и наука: история и современность”)»

Представленная к защите дипломная работа Сергея Гавриша затрагивает вопрос, который на протяжении многих веков волновал, заставлял напряженно работать над его разрешением, а когда и просто соблазнял лучшие умы человечества, — это вопрос отношений религии и науки.

Дипломная работа имеет 54 страницы печатного текста. В библиографическом списке указано 20 наименований использованной литературы и источников. Работа состоит из введения, основной части, заключения и библиографии. Автор владеет научным аппаратом и излагает свои мысли литературным языком.

Во введении автор, к сожалению, не обозначает цель работы, говоря только о двух «вопросах»: вражды между наукой и религией и возможности изменения религиозных воззрений в связи с научными достижениями.

Структурно основная часть посвящена раскрытию 3-х вопросов: история науки (в изложении Й. Барбура), варианты отношений между религией и наукой и, наконец, православный взгляд на рассматриваемую проблему.

Однако, на наш взгляд, было бы целесообразным основную часть разбить на несколько глав соответственно рассматриваемым вопросам. Автор находится в сильной зависимости от изучаемой работы, предпочитая самостоятельному анализу пространную цитацию. Местами автор излишне увлекается вопросами естественнонаучной апологетики, которые не являются центральными в рамках обозначенной темы (с. 21—25). В целом автор стремится критически изложить взгляды Й. Барбура, однако аналитическая сторона работы оставляет желать лучшего.

Недостатком работы является также использование автором устаревшего способа оформления сносок, что значительно затрудняет

чтение текста. На протяжении нескольких страниц автор вообще не указывает ни один источник, что не может не вызвать недоумения: что это — пересказ текста Й. Барбура или авторские размышления на тему?

К сожалению, автор ограничился рассмотрением исключительно взглядов Й. Барбура без сравнения его позиции со взглядами таких мыслителей, как, например, свящ. П. Флоренский, С. Л. Франк, Н. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, не говоря уже о современных исследователях... Это говорит о поспешности проведенной работы и ее поверхностности. Работа во многом носит фрагментарный характер, ей не хватает продуманности и единства в структуре и содержании.

Однако несмотря на указанные существенные недостатки, а также погрешности стиля и немалое количество орфографических и синтаксических ошибок, представленная дипломная работа может быть оценена как удовлетворяющая требованиям, предъявляемым к итоговым выпускным работам в МДС.

15.2. ОТЗЫВ доцента П. К. ГРЕЗИНА на дипломную работу выпускника экстерната Московской духовной семинарии Сергея ГАВРИША по кафедре Богословия на тему: «Новое видение соотношения религии и науки в XX в. (по книге Й. Барбура “Религия и наука: история и современность”)»

Дипломная работа выпускника Московской духовной семинарии Сергея Гавриша написана на тему «Новое видение соотношения религии и науки в XX в.». Работа состоит из введения, основной части, заключения и библиографии. Общій объем текста диплома составляет 54 страницы. Список использованных источников и литературы включает 20 наименований.

В целом данная дипломная работа написана грамотным языком. Вместе с тем автором допущены грамматические ошибки (в разумных пределах), пропуск слов или словосочетаний (с. 29, 39, 43, 44), нарушения церковной орфографии при написании с маленькой буквы таких слов, как Церковь (например, с. 12), Откровение (с. 38),

Предание (с. 42). Автор диплома иногда, видимо под влиянием американской книги, употребляет совершенно некорректные выражения, например: «Мировая история развивалась по Божественному плану: творение, Завет, Христос, Церковь» (с. 7), «функции Бога оказались сильно урезаны» (с. 10). Иногда автор позволяет себе очень загадочные фразы, например: «Среди нынешних богословов доминируют более трезвые, чем в XIX веке, оценки ограничений, свойственных человеку» (с. 16).

Основным источником для написания работы послужила книга современного американского антиринитария Й. Барбура «Религия и наука: история и современность»¹, переведенная с английского языка и опубликованная Библейско-богословским институтом в 2001 г. в качестве «прекрасного пособия по курсу “Богословие и наука”» (см. Барбур Й. Религия и наука. С. IV (аннотация)).

Автор дипломной работы находит в книге Барбура как положительные, так и отрицательные моменты. В основной части дипломной работы можно выделить три раздела: критика Барбуром идей механистического материализма (с. 6—31), характеристика представлений Й. Барбура о научном методе в области богословия (с. 31—45) и (со с. 45 до конца) критика антихристианской доктрины американского профессора с точки зрения православного богословия.

Действительно, книга американского ученого дает достаточный материал для критической оценки генезиса сциентистской идеологии индустриальной эпохи. Вслед за американским ученым С. Гавриш останавливает внимание на слишком оптимистической вере рационалистов эпохи Просвещения в возможности человеческого разума, на критике дарвинизма в науке XX в., на крушении веры в незыблемые постулаты механистического материализма в связи с новыми открытиями в области физики и астрофизики

¹Барбур Йен. Религия и наука: история и современность. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001 (изд. второе). *Ien G. Barbour. Religion and science. Historical and contemporary issues.* Harper Collins Publishers, Inc. (USA), 1998.

XX в. Как отмечает С. Гавриш, Йен Барбур очень компетентно рассуждает об ограниченности научного мышления, о безусловной подчиненности научного процесса государственным, военным, идеологическим заказам (с. 27). Ученые несвободны в своем выборе. С большой эрудицией профессор науки и технологии Миннесоты говорит о войнах и техногенных угрозах XX в., подорвавших веру в оптимистический научный прогресс. В конечном итоге наука не делает несомненных выводов; ее заключения всегда условны и подлежат перепроверке (с. 36).

С. Гавриш справедливо отмечает противоречие в словах Барбура: с одной стороны, американский ученый относит себя к сторонникам конструктивного диалога (с. 44), с другой — находясь под влиянием феминистских течений, сциентистских стереотипов, либеральной предвзятости, он ставит целью реформирование христианской традиции (Барбур. С. 116), христианского вероучения (с. 44), редукции христианского богословия до дебильного либерализма. Автор дипломной работы видит за рассуждениями американца о мировоззренческих парадигмах желание подменить понятия, в особенности когда тот утверждает, что самой естественной парадигмой для развития религии является Реформация. Так и хочется Барбуру видеть Церковь в состоянии перманентной реформы («меня больше интересует реформирование христианской традиции» (Барбур. С. 116), ибо «Церковь подвержена ошибкам» (с. 195), «ни Церковь, ни книги, ни символы не являются непогрешимыми» (с. 163)).

Барбур не столько верит в науку, сколько в надежные научные процедуры («наука действительно дает нам надежные процедуры для проверки и оценки теорий» (Барбур. С. 128—133)). Но процедуры научного эмпиризма подводят Барбура к области религии, здесь он не может оторваться от праха древнего антитринитарного примитивизма. «Есть, — говорит он, — только один Бог, который как нисшедший Дух присутствовал в жизни пророков, Христа и первых христиан, — и может иметь место в нашей сегодняшней жизни» (Барбур. С. 339).

Барбур ставит целью «переформулировать христологию» (см. гл.

«Роль Христа». С. 337—338). Он говорит о Христе как об «исторической фигуре», просто человеке (Барбур. С. 338), Которого поддержал Бог (Барбур. С. 337), Он всего лишь был вдохновлен и уполномочен Богом (Барбур. С. 338). Представление о Нем как Боге — результат более поздних интерпретаций (Барбур. С. 174). Личность Христа рассматривается в перспективе эволюции как наиболее полное раскрытие человеческих возможностей: «Мы можем воспринимать Его как новую стадию эволюции... Христос как личность (не просто как тело) был частью продолжающегося процесса, который можно ретроспективно проследить через австралопитека и ранние формы жизни...» (Барбур. С. 339). Отличие Христа от других людей есть лишь «различие в степени», а не в сущности (Барбур. С. 342).

Барбур отрицает дихотомию человека: человек есть единство души и тела, душа без тела не существует вообще, говорить о воскресении не приходится (см. главу о человеке). Т. е. материализм более устраивает либеральную идеологию. Идея о миллионах лет биологического развития человечества помогает Барбуру сразу избавиться от ряда христианских догматов: происхождение человечества от одной четы, историческое существование Адама, грехопадение первых людей. Барбур отрицает грехопадение Адама, поскольку, по его словам, Адам есть всего лишь олицетворение человечества (Барбур. С. 333). В этой связи, и это отмечает автор дипломной работы (с. 41), довольно забавной выглядит желание американских ученых либералов на место библейской истории поставить научно обоснованный миф. Мечта о миллионах или миллиардах лет, пока будет существовать Вселенная и пока не погаснет Солнце, помогает Барбуру снять проблему греха и наказания, Страшного суда и конца мира. Понятие греха мешает Й. Барбуру и повлиявшим на него феминисткам: «Традиционная концепция греха препятствует стремлению женщин к самоуважению и полному правному положению» (Барбур. С. 333). Он отрицает повествование о рае и бессмертии в раю, бессмертии души, а также смерть как наказание Божие за грех, ибо смерть и страдания, по Барбуру,

«представляют собой необходимые условия жизни в эволюционирующем мире» (Барбур. С. 331). Несомненно, Барбур не осознает, насколько он далек от знания как догматов, так и их истории (Барбур. С. 338—339).

Откровение и спасение посредством Христа кажется Барбуру «проблематичным в плюралистическом мире» (Барбур. С. 106). Барбур не просто отрицает «библейский буквализм», то есть понимание Евангельского благовестия в буквальном смысле: «Когда абсолютистская позиция приводит к нетерпимости и попыткам навязать другим в плюралистическом обществе определенные религиозные взгляды, мы обязаны противостоять ей во имя религиозной свободы» (Барбур. С. 99). Он готов навязать свою идеологию всем, кто еще не проникся духом релятивизма. Таким образом, сама позиция Барбура далеко не миролюбива, и его стремление к диалогу есть лишь попытка навязать всем остальным довольно старую и дремучую доктрину.

Приверженность Барбура идеям вульгарного дарвинизма относительно эволюционного развития и приложимости биологических законов к человеческой культуре приводят его к эволюционному релятивизму и отрицанию как культуры, так и религии, но в первую очередь христианства.

К сожалению, С. Гавриш рассматривает книгу Барбура только в рамках дискуссии об отношении науки и религии. Книга Барбура дает гораздо больший материал. Американский профессор делает такой большой исторический экскурс в историю формирования либеральных идей с тем, чтобы и самому себе найти нишу внутри либеральной теологии. Думается, что в этом отношении книга Барбура более интересна как откровенное свидетельство либерала о своей традиции и о самом себе.

Заключение дипломной работы оставляет желать лучшего. Автор диплома противоречит себе, когда касается оценок позиции Барбура, говоря о его «новом видении» (с. 4), — скорее, нужно говорить о новой интерпретации вопроса о соотношении науки и религии. Изложение книги Барбура у С. Гавриша наводит на некото-

рые вопросы. В частности, не вполне ясна позиция автора диплома по отношению к Дарвину. Например, на с. 14 говорится о том, что теория Дарвина позволила анализировать культуру в «биологических категориях», и далее говорится, что «научная деятельность Дарвина представляет собой блестящий пример...» (с. 15). Что это такое: анализировать культуру в «биологических категориях»?

Подводя итоги, следует сказать, что дипломная работа С. Гавриша носит актуальный характер. Автор сочинения проявил определенные навыки научного анализа и критики. Доктрине американского антитринитария он смело противопоставил православное учение, основанное на Священном Предании и Божественном Откровении. Таким образом, дипломная работа удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям и может быть оценена положительно.

16.1. ОТЗЫВ профессора архимандрита МАТФЕЯ (Мормыля) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Дмитрия ШТЫХА по Церковно-практической кафедре на тему: «Богослужбные особенности устава Троице-Сергиевой лавры по архивным материалам, хранящимся в РГБ и РГАДА»

Дипломная работа выпускника Московской духовной семинарии Д. Н. Штыха написана на актуальную тему «Богослужбные особенности устава Троице-Сергиевой лавры по архивным материалам, хранящимся в РГБ и РГАДА» и посвящена богослужению Свято-Троицкой Сергиевой лавры, которое совершалось в XVIII и XIX вв. Исследование предоставляет нам сведения по литургике, содержащиеся в архивных документах и до настоящего времени неизвестные церковно-исторической науке

Работа состоит из введения, четырех глав основной части и заключения. Общий объем исследования составляет 61 страницу. Список использованных источников и литературы включает 36 наименований.

Во введении, написанном с учетом современных требований, обозначены предмет, объект и метод исследования, отражена актуальность темы, охарактеризованы источники и литература, поставлены цели исследования.

В качестве основной цели своего исследования автор назвал задачу осветить литургическое прошлое Свято-Троицкой Сергиевой лавры по архивным документам. Основным источником для написания работы послужили рукописные материалы XVIII—XIX вв. Они освещают соответствующий период богослужебной жизни обители. Были привлечены также вспомогательные материалы, которые помогли автору в раскрытии и комментировании основной темы.

Основная часть разделена на четыре главы. В первой главе, озаглавленной «Место Свято-Троицкой Сергиевой лавры в литургической жизни Русской Церкви», автор кратко и целостно описал значение монастыря в литургической истории Русской Церкви. Это позволило автору поместить исследуемые материалы в контекст истории богослужения Русской Православной Церкви и таким образом плавно перейти к последующим главам.

Вторая глава, «Годичный круг богослужения», содержит в себе три раздела. В них описаны последования служб и чинов, совершавшихся в Лавре в течение года. Эта глава раскрывает интересные особенности монашеских последований, практиковавшиеся в то время.

В главе «Чинопоследования» большое внимание уделено четырем видам документов: о служении наместника (архимандрита) монастыря при совершении Литургии; о крестных ходах; о колокольных звонах; чину малого освящения храма. Особо ценный материал представляет указание о крестном ходе на праздник преставления преподобного Сергия. С возрождением колоколов Лавры становятся актуальными документы о колокольных звонах Троицкой обители. Особое внимание уделено чину малого освящения храма, существование которого связано с наличием у монастыря многочисленных скитов и подворий.

В заключительной, четвертой главе «Общие указания» помещены дополнительные материалы: о времени совершения Литургии, об учительной книге и историческое обозрение об учрежденном соборе.

В «Заключении» автор делает выводы и подводит итоги своего исследования.

Оценивая представленную дипломную работу, прежде всего следует отметить, что автор работал с архивными материалами, которые знакомят нас с неизвестной страницей лаврского богослужения. Некоторые особенности богослужения достойны возрождения в современной литургической практике. Сама тема богослужебного устава является очень объемной и сложной. Автор в своем исследовании представил эту тему довольно полно, исходя из имеющихся источников. Ему удалось не только изложить содержание рукописей, но и представить анализ и литургическое осмысление публикуемого материала. Эта работа дает возможность продолжения трудов в разных направлениях. Большой объем рукописей в настоящее время находится на стадии разработки в архивных учреждениях, что позволяет продолжить эти исследования.

Оценивая работу в целом, следует сказать, что автор дипломной работы, несмотря на фрагментарный характер имеющихся документов, довольно умело выполнил поставленную в исследовании задачу. В вопросах исторической литургики автор продемонстрировал компетентность и эрудицию. Автор приобрел большой навык работы с архивными документами. Он пересмотрел и расшифровал значительную часть архивного материала. Был систематизирован и обобщен рукописный текст объемом более 50-ти страниц, неизвестный до настоящего времени церковной науке. Следует отметить, что столь широкое использование архивных документов — редкость в современных работах по литургики. Благодаря настоящему исследованию перед нами ярко и живо предстает литургическая практика Свято-Троицкой лавры XVIII—XIX вв. Систематическое изложение позволяет воспользоваться литургическими указаниями рукописных источников в современной практике.

В сочинении дипломанта имеются и некоторые недостатки. Во-первых, в работе использовано меньше, чем хотелось бы, архивных источников. Следует пожелать автору более пространно цитировать рукописные источники. Во-вторых, в некоторых местах автор работы использует не всегда удачные выражения для изложения своих мыслей. Встречаются выражения, требующие более пространного

комментария, нежели чем это дается в работе. Имеются погрешности в стиле. Наконец, в работе встречаются недочеты технического характера: в некоторых разделах нет единой формы цитирования источника, есть и неизбежные опечатки.

Указанные недостатки не снижают высокого уровня исследования, их скорее можно считать пожеланиями к дальнейшей работе над темой.

Выводы:

1. Представленное сочинение по достоинству заслуживает отличной оценки.

2. В целом дипломная работа Дмитрия Штыха имеет важное значение и, будучи пока еще единственным отечественным исследованием по данной проблематике, должна быть помещена в библиотеку МДА.

16.2. ОТЗЫВ преподавателя игумена НИКИФОРА (Кирзина) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Дмитрия ШТЫХА по Церковно-практической кафедре на тему: «Богослужбные особенности устава Троице-Сергиевой лавры по архивным материалам, хранящимся в РГБ и РГАДА»

Представленная дипломная работа выпускника МДС Дмитрия Штыха объемом в 61 страницу состоит из введения, четырех глав основной части, заключения и библиографии — что соответствует предъявляемым требованиям.

Данная работа является попыткой исследования особенностей богослужебного устава Свято-Троицкой Сергиевой лавры XVIII—XIX вв. на основе архивных материалов РГБ и РГАДА.

Обозначив во введении цель и задачи своего исследования, автор приступает к раскрытию этой темы:

Свято-Троицкая лавра, основанная преподобным Сергием и благословленная Пресвятой Богородицей, имеет особое место в литургической жизни РПЦ;

рассмотрен годичный круг богослужения, включающий в себя Постную и Цветную Триодь, а также Дванадцатые праздники;

описываются последования известных в то время чинов (особый интерес вызывает «Чин богослужения архимандрита, имеющего право служить с осенением»);

в «Общих указаниях» автор приводит исторические свидетельства о нововведениях, существовавших в Троицком монастыре в XVIII в.

В заключение своего исследования автор подводит итоги проделанной работы над частью доступных и сохранившихся архивных материалов.

Дипломная работа выпускника МДС Дмитрия Штыха достаточно полно освещает выбранную тему и дает представление об истории и традициях нашей Лавры. Исследование показывает способность автора ориентироваться в архивных документах, умение правильно и кратко изложить суть публикуемого материала.

К замеченным недостаткам нужно отнести ряд опечаток, стилистических ошибок.

В целом дипломная работа заслуживает хорошей оценки как вполне соответствующая цели и задаче ее написания.

17.1. ОТЗЫВ доцента В. Д. ЮДИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии диакона Алексея МАРОЧКИНА по Церковно-исторической кафедре на тему: «Оценка Указа о секуляризации монастырских вотчин Екатерины II в русской историографии»

Предложенная тема предполагает определенную, конкретную задачу: последовательно, реферативно изложить выводы ученых по данному предмету — изъятию монастырских имений в XVIII в.

Дипломник должен был беспристрастно, даже отстраненно, констатировать историографию вопроса. Но он постоянно сбивается на эмоционально-благочестивую риторику: патетически обличает Немецкую слободу, ругает иноземную петровско-синодальную систему, «блудницу» Екатерину, разбазарившую монастырские владения. «Вырученные финансы, — пишет он, — стали расходоваться на любовные утехы, раздаваться фаворитам» (с. 6).

Автор перепутал жанры: вместо фактологической, позитивистской работы он много мудрствует; его заносит в поднебесье — он рассуждает «о симфонии государственной и духовной властей», хочет обратиться к «наследию Византии», «опыту протестантских стран», к «области нравственности, философии, канонического и гражданского права» (с. 5, 63).

Особо замечательны пассажи (с. 63) в заключении: начинается оно простодушной констатацией «ограниченности человеческой природы», а оканчивается буквально проповедью христианского подвига. Можно сказать, автор предлагает литературный опыт по нравственному богословию. От работы так и веет априорной публицистикой «Русской идеологии» преосвященного Серафима (Соболева) и «иже с ним» (с. 6—7).

Автор многословен, противоречив, что, вероятно, объясняется неразборчивым монтажом чужих мыслей (с. 10).

В оценке суждений ученых по заданной теме он допускает неточности и даже искажения.

Вот несколько примеров.

На с. 16 неверно излагается мнение И. К. Смолича в его «Истории Русской Церкви» (Ч. 1. С. 254—255). В дипломе на с. 16: «Делаемый автором вывод не в пользу способа предпринятой Екатериной секуляризации». У Смолича наоборот: «Монастыри делались беднее, но и это было положительной стороной реформы. Длительный период обмирщения монашества теперь можно было формально считать законченным. Вместе с реформой, освободившей монастыри от тяжкого бремени хозяйственных забот, появилась возможность устроить жизнь в монастыре в соответствии с монашескими правилами. С церковной точки зрения, реформа уже давно назрела и пошла на пользу всем учреждениям Церкви. Государство предоставило Церкви возможность внутренне обновиться. К сожалению, иерархия почти не воспользовалась этой возможностью, но ответственность за это ложится на саму Церковь». И в другой книге, «Русское монашество» (М., 1997), Смолич также утверждает: «И теперь, когда монастыри обеднели, можно было

реформировать монашескую жизнь на чисто аскетических основах» (с. 279—281).

Теперь обратимся к авторской оценке мнения П. В. Знаменского: «Отношение Знаменского не высказывается явно. Труд (История Русской Церкви. М., 1996) носит беспристрастный характер». Но ниже (с. 18) дипломник добавляет: «Однако сами строки, рисующие чудовищную картину развала монастырей... говорят сами за себя и подобраны явно неслучайно». У Знаменского же читаем определено: «Дело секуляризации... настолько уже созрело... что откладывать его решение в дальний ящик императрица нашла нерасчетливым...» (с. 345). Далее: «Началось лучшее время для монашества... Святители, ревновавшие о благе монашества, принялись за устройство монастырей через введение в них общежития и за возвышение их внутреннего благоустройства» (с. 457). И еще надо учесть то, что в первых изданиях сочинения Знаменского в 70-х гг. XIX в., когда оно еще не было переделано под семинарский учебник в 90-х гг. того же века, было прямо сказано, что секуляризация стала первой акцией освобождения крестьян от крепостничества.

Не можем также согласиться с мнением автора об оценке А. В. Карташева (с. 24). Карташев одобряет изъятие монастырских вотчин: «Мысль (о секуляризации. — В. Ю.) глубокая и здравая... Нельзя отказать им (мечтам Екатерины. — В. Ю.) ни в благородстве, ни в своевременности» (История Русской Церкви. М., 1992. С. 469).

Вызывает сомнение в адекватности оценка автором и суждения Филарета Черниговского.

Мы не могли проверить детально оценки других историков.

Труд дипломника немал. Вообще, ему нельзя отказать в удивительном трудолюбии. Он приложил немало усилий для обозрения, более того, изучения весьма солидных монографий.

Учитывая все это, а также неопытность, первую пробу пера автора, можно, наверно, снизить к нему и удовлетворительно оценить его первый опыт творчества.

17.2. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии диакона Алексия МАРОЧКИНА по Церковно-исторической кафедре на тему: «Оценка Указа о секуляризации монастырских вотчин Екатерины II в русской историографии»

Тема работы имеет огромную идеологическую значимость, занимая вот уже почти два с половиной века умы и сердца многих задумывающихся о направлении и смысле нашей церковной истории. Интересная и плодотворная задача дипломника, взявшегося за данную тему, — проследить диалектический контрапункт мнений различных исследователей нашей церковной и гражданской истории по теме дипломной работы. Но автор с самого начала уклоняется от роли объективного фиксатора различных точек зрения и занимает позицию пристрастно-ангажированную, встает на путь громких деклараций и широковещательных обобщений. Большое, но все же частное событие начала царствования Екатерины отождествляется с «глобальным процессом постепенного отпадения российского общества от Православной веры» (с. 4). Материальное богатство монашества (с его обетом нестяжания!) оказывается неперменным условием процветания веры как таковой. Это само по себе, конечно, совершенно неверно. Начнем с того, что монашество существовало не всегда, и века гонений, когда монахов еще не было, стали веками пламенной веры и неуклонного роста Церкви. А когда монашество возникло, нищие египетские пустынноики оказали такое влияние на жизнь Вселенской Церкви, какого уже никто больше не имел. Если мы вообще признаем государство, то мы должны признавать всю власть его в материальной сфере, в том числе и в области имуществ. Уже в Византии проблема церковных имений была весьма острой. Церковные собственники создавали латифундии, поглощая мелкие земельные владения и превращая самих их владельцев, свободных крестьян, в своих крепостных. Щедрые земельные пожертвования давали в руки церковных институций огромные излишки земли, которые они не в силах были обрабатывать и держали впрок, про запас. Хотя в Византии церковная собственность облагалась на-

логами, многим монастырям и другим церковным субъектам права удавалось полностью или частично освободиться от них в порядке частных привилегий. Императоры так же боролись с ростом церковных имений, как они боролись с ростом феодальных имений в целом. Они пытались запрещать новые земельные пожалования монастырям, отдавали церковные имения в управление светским лицам. В России уже Иван III боролся против роста монастырских имений. При огромных размерах церковных имений проблема рентабельности не была в них особенно острой, и эксплуатация крестьян была поэтому более мягкой. Происходило массовое бегство крестьян от светских помещиков к духовным к разорению не только дворян-землевладельцев, но и самого государства. По приговору церковно-земского собора 1580 г. монастырям и церквям запрещается приобретение новых земель и даже объявляется конфискация у них княжеских вотчин. В XVII в. церковные учреждения владели примерно половиной всей обрабатываемой земли в европейской России. Алексей Михайлович предпринял новые меры по ограничению церковного землевладения: Соборное уложение 1649 г. (см. особ. гл. 17, ст. 42), Монастырский приказ. Екатерине не пришлось почти ничего изобретать: она нашла готовую уже документацию, не в бумагах своего супруга, который поспешными сумбурными действиями лишь ускорил свое падение, но в архиве «кроткия Елисавет», которой никто, кажется, не отказывал ни в русскости, ни в искреннем благочестии.

Ангажированный подход побуждает автора ретушировать позиции цитируемых им историков. Так, он не приводит самых острых высказываний А. В. Карташева об Арсении Мациевиче: «Ослеплен консервативностью своих понятий о церковном имуществе»; «неподвижный тотальный крепостник» (Очерки. Т. 2. С. 460). Другой прием автора — сведение проблемы к вопросу церковной собственности, без уточнения, что речь идет не просто о недвижимости, но о землях, заселенных живыми душами крепостных крестьян. С ними духовные помещики обращались подчас весьма сурово. Известен случай, когда в тюрьме (!) у патриарха Никона умер под пытками

крепостной, причем даже не свой, а чужой, взятый за потраву. Тут уже даже присяжный адвокат Никона М. В. Зызыкин не находит ни слова в его оправдание. Казалось бы, в свете всего предыдущего и последующего можно было бы быть благодарными Екатерине, освободившей Русскую Церковь от сомнительной чести крупнейшего крепостника.

Почти все приведенные автором историки высказываются нюансированно и находят аргументы в пользу реформы, как бы они сами к ней ни относились. Один лишь публицист-идеолог Е. Поселянин однозначно против нее. Итоговый баланс высказываний, однако, решительно в ее пользу. Под конец и сам автор, начавший с тотального осуждения реформы, приходит к признанию «неоднозначности» проблемы.

Неубедительная и нелогичная по существу работа теряет также из-за небрежности оформления. Многократно встречается несогласованность падежей вроде: «...Петра III, первым покусившимся на монастырские земли» (с. 6). Часты ошибки в слитном и раздельном написании слов. Есть ошибки стилистические: «...тенденции, которые происходили в стране» (с. 5). Бывает неправильное словоупотребление: «жертвоприношение» (с. 5) вместо «пожертвование». Расплывчато и в то же время крайне показательно словосочетание: «...народ, включая церковное сообщество» (с. 10). В традиционном обществе народ и Церковь тождественны. Наш же автор клерикально отождествляет Церковь с духовенством.

Встречаются частые ошибки. Фразой «обители... упразднились или обращались в приходские церкви» (с. 21) автор показывает незнание того, что упразднение и состояло в обращении в приходскую церковь.

Однако же, несмотря на общую концептуальную неудачу и отдельные погрешности, автор собрал и обработал большой и сложный материал, проявив при этом самостоятельность мысли. Работа может быть оценена как хорошая.

18.1. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ТИХОНА (Зимина) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии

нарии Сергея АРТЮШИНА по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата св. Амвросия Медиоланского “О патриархе Иосифе” (De Josepho Patriarcha)»

Данная работа написана под моим руководством и является плодом нескольких лет работы. Сначала — изучение древних языков, потом чтение фрагментов различных произведений святых отцов и Священного Писания и только потом — чтение полного трактата, попытка его письменного перевода. Завершает эту последовательность исследование самого переводимого произведения и его места среди прочих трудов святителя.

Дипломная работа состоит из вступительной статьи (на 9-ти страницах), перевода (52 страницы), библиографии и указателя цитат (3 страницы). Таким образом, объем перевода несколько превышает обычные нормы для дипломной работы.

На всех этапах проделанной работы хочется особо отметить незаурядное трудолюбие и усердие С. Артюшина, которые и определили высокий уровень исполнения поставленной учебно-научной задачи.

Часто в подобных работах вступление имеет формальный характер и не несет признаков самостоятельной работы. Но в нашем случае вводная часть является ярким выражением высокого научного потенциала нашего выпускника. Исследуемое произведение и его автор получают емкую характеристику с привлечением оценок ведущих специалистов по наследию св. Амвросия. Подробно рассматривается проблематика датировки трактата. Приводится аналитическое рассмотрение приемов экзегезы, круга авторов и произведений, от которых зависит данный трактат, специфики видения материала самим святителем. Отдельный краткий раздел введения посвящен догматическим идеям, из которых выделяется главным образом одна — об образе искупления Господом Иисусом Христом человечества через принятие его состояния, а не вины. Отдельный раздел введения поясняет специфику переводческой работы автора.

Сам перевод представляется довольно добротным, хотя и не лишен определенных недостатков, вызванных вполне закономер-

ной неопытностью автора в написании подобных работ. Не каждую мысль святителя легко понять. А поняв, не так легко изложить адекватно средствами русского языка. Именно на этой стадии и требовалось серьезное руководство работой С. Артюшина. Хочется отметить, что он достойно и бережно воспринимал исправления и замечания и был готов к труду в любом необходимом объеме. В результате возник письменный перевод, который еще несколько раз подвергался правке и редактуре.

Особого упоминания достойны сноски к тексту перевода. Их общее число — 464 — говорит само за себя. Здесь мы видим несколько направлений. Это прежде всего комментарии и уточнения автора, далее варианты перевода Священного Писания, если перевод в основном тексте отличается от общепринятых, далее параллели у других отцов и, наконец, небольшие фрагменты оригинального текста, когда перевод представляется не вполне адекватным или несколько двусмысленным.

Подводя итоги, можно рекомендовать данное произведение к публикации в виде отдельной книги, желательно с параллельным латинским текстом. Автора дипломной работы считаю заслуживающим отличной оценки.

18.2. ОТЗЫВ преподавателя С. Ю. ЖУКОВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Сергея АРТЮШИНА по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата свт. Амвросия Медиоланского “О патриархе Иосифе” (De Josepho Patriarcha)»

Работа состоит из вступления, описания трактата, примечаний к переводу, основной части (собственно, перевода) и библиографии. Во вступлении студент ясно описывает предмет исследования, ставит цель написания работы, хорошо обосновывает актуальность и новизну темы. Несомненным достоинством работы является живость и красочность изложения, свободное обращение с литературой, точный анализ исторических данных, повышенное внимание к писательскому стилю святого отца и его лите-

ратурной связи с классическими римскими авторами. Достойно похвалы и то, как студент описывает экзегетические особенности трактата и содержащиеся в нем догматические идеи, что показывает общую богословскую эрудицию и образованность автора работы.

Прочтение перевода оставляет хорошее впечатление из-за ясности изложения, непрерывности смысловой линии, а также грамотного оформления текста. Дополнительный плюс можно увидеть и в подстрочных комментариях, содержащих, в частности, сравнения с толкованиями других авторов (Филона Александрийского, свт. Иоанна Златоуста, свт. Кирилла Александрийского, прп. Ефрема Сирина и др.), отдельные слова и выражения оригинального латинского текста, отрывки из Септуагинты и Нового Завета на древнегреческом языке, а также еврейские транскрипции библейских имен. Удобство практического использования работы повышается благодаря наличию индекса библейских цитат.

Однако погрешностью является то, что в работе нет упоминания о существовании или отсутствии каких-либо иностранных переводов трактата. Также незначительными недочетами являются: цитация Библии и в русском, и в церковнославянском переводах; ошибки в еврейских транскрипциях (например, в имени $\text{yô\text{š}êph}$: целевое произношение буквы rê принято обозначать либо чертой над буквой, либо добавлением h ; также здесь допущена ошибка и в написании слова еврейскими буквами: если диакритические знаки используются для передачи звука ê , то их следовало использовать и для передачи звука ô); пунктуационные ошибки, затрудняющие понимание смысла (например, с. 38: «... чтобы не услаждало припоминание самой моей речи, того, кого тогда или опустошит скорбь, или исторгнет из Церкви обида» — лишняя запятая перед словом «того»); стилистические ошибки (с. 6: «датировка произведения производится...»).

Но безусловно, все указанные погрешности являются несущественными и встречаются крайне редко. А с учетом всех вышеперечисленных достоинств работы она заслуживает оценки «отлично».

Для публикации перевода считаю необходимым решить вопрос о существовании иностранных переводов трактата и произвести сравнение с ними, если таковые имеются.

19.1. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Владимира ЕГЕРА по кафедре Филологии на тему: «Перевод первой книги трактата святого Амвросия Медиоланского “О Каине и Авеле” (De Cain et Abel)»

В дипломной работе В. Егера предлагается перевод трактата свт. Амвросия Медиоланского «О Каине и Авеле», снабженный вступительной статьей и примечаниями. Данный трактат является вторым в ряду 10-ти экзегетических трактатов святителя на книгу Бытия, которые постепенно переводятся выпускниками Московской духовной семинарии. Работа позволяет до определенной степени выникнуть в аллегорический метод свт. Амвросия и в глубокий аскетико-созерцательный строй его мысли.

Работа состоит из двух частей: вступительной (с. 3—6) и основной, в которой предлагается перевод трактата «О Каине и Авеле» (с. 7—34). Во вступительной части традиционно приводятся общие сведения о составе трактата, источниках, особо подчеркивается стремление свт. Амвросия во всем усмотреть назидание для души. Перевод снабжен рядом примечаний. В конце приведен индекс цитат из Священного Писания (выполненный по самым лучшим изданиям), а также библиография и список сокращений.

Оценивая работу, можно сказать, что автор успешно справился с поставленными задачами на начальном этапе. Вступительная статья, а еще более перевод — результат кропотливых (и, конечно, еще не завершенных) трудов.

Вместе с тем можно сделать отдельные замечания к: 1) вступительной статье и 2) переводу.

1. Одним из недочетов вступительной статьи является некоторая недосказанность. Автор конспективно достаточно точно указал основные линии. Однако коль он упомянул Оригена, крупнейшего

христианского экзегета, он должен был бы сослаться на конкретные места, а также указать, в чем именно заключалось влияние Оригена на св. Амвросия. Сказалось ли это влияние на данном или на других трактатах? И было ли оно только опосредованным или прямым?

Так как же именно толковались Каин и Авель другими западными экзегетами? Автор мог хотя бы кратко, на отдельных примерах попытаться ответить на этот вопрос.

В чем св. Амвросий повторил, а в чем переинтерпретировал Филона, которого цитирует наиболее часто?

И, наконец, если такова роль души, то следовало бы раскрыть подробнее представления о душе в западной патристике вообще и у св. Амвросия в частности.

2. Примечания к переводу:

В предложении «Бог, когда говорит, верен, Слово Его — таинственная присяга» (гл. 43) скорее всего имеется в виду не Бог Слово, а слово, исходящее из уст Божиих в переносном смысле. Выражение «культ безмятежности» вкралось по странному желанию автора довести русский перевод до победного конца (гл. 44). Вместо «рождение невозможное от мужа» следует перевести «для мужа» (гл. 46).

Автор пропустил *hic sensus*, неточно перевел *feminis dedit vulvam natura* и др. Впрочем, эти наиболее серьезные ошибки появляются в самой последней главе, на которую, видно, не осталось достаточных сил.

Стилистические погрешности: вместо «выгонит... Бог» лучше «изгонит» (с. 33), и др.

В ряде случаев переводчик слишком дословно следует оригинальному тексту и боится изменить порядок слов. Грамматические, орфографические и пунктуационные погрешности минимальны.

В будущем автор должен будет более внимательно учесть справочные аппараты современных изданий и компьютерных версий для определения параллельных мест, по совокупности которых можно будет сделать вывод о месте данного трактата и данного подхода в святоотеческой традиции.

В заключение должно отметить, что работа может быть оценена на отлично. После доработки дипломная работа В. Егера может быть рекомендована к публикации. Также полагаю, что автор будет иметь преимущественное право на перевод 2-й книги трактата свт. Амвросия «О Каине и Авеле». В будущем опубликованный том со всеми экзегетическими сочинениями свт. Амвросия на книгу Бытия украсит библиотеку Московской духовной академии и вдохновит грядущие поколения студентов на подвиги по творческому осмыслению святоотеческого наследия.

19.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ТИХОНА (Зими́на) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Владимира ЕГЕРА по кафедре Филологии на тему: «Перевод первой книги трактата св. Амвросия Медиоланского “О Каине и Авеле” (De Cain et Abel)»

Представленная на рассмотрение работа состоит из краткого (5 страниц) вступления, перевода (27 страниц) и приложения (5 страниц). Следует сразу отметить, что размер шрифта и межстрочный интервал явно меньше нормы, поэтому объем работы примерно соответствует принятым требованиям.

В дипломной работе явно прослеживаются правильные научно-методические подходы к тексту. Определен круг авторов и их сочинений, от которых в той или иной мере зависит сам св. Амвросий. Сделана попытка обосновать эту зависимость и указать ее специфику. Достаточно грамотно оформлены сноски, ссылки и библиография. Сам текст перевода снабжен многочисленными ссылками, из которых подавляющее большинство содержит соответствующие места из книги Филона Александрийского «О жертвоприношениях Авеля и Каина». Сопоставление текстов Филона и св. Амвросия всякий раз показывает как зависимость последнего от первого, так и свободный подход епископа, использующего хрестоматийные для иудейской среды толкования исключительно для цели назидания паствы. Греческий текст Филона снабжен переводом на русский язык по самому современному изданию.

Что касается качества перевода, необходимо заметить, что идеальных переводов не бывает. Все они имеют определенные недостатки. Тем не менее перевод всегда объективно отражает действительную степень знакомства переводчика как с переводимым произведением и его автором, так и с кругом культурно-исторических проблем, характеризующих данную эпоху. В переводе ясно видна попытка глубоко разобраться, проникнуть в текст на самых различных уровнях его понимания.

Основным недостатком перевода является тенденция сохранять специфику латинского синтаксиса. Вероятно, это происходило неосознанно. Возможно, автор, погружившись сам в стихию латинской словесности, забыл на время о законах русского синтаксиса (см. с. 8, 9, 16, 30). Не везде переводчику удалось выбрать подходящее по контексту значение из пространной словарной статьи (см. с. 27: «где святые, там в середине Слово Бога» следует перевести «между ними», и др. на с. 32, 33, 34). Вообще заметно, что качество перевода последней главы (десятой) несколько хуже, чем предыдущих глав. Это, видимо, легко объясняется нехваткой времени на завершающем этапе работы.

По совокупности трудов, понесенных автором этой дипломной работы, считаю ее заслуживающей высокой оценки.